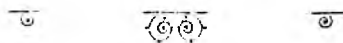
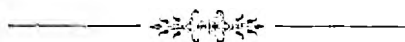

ВОСПОМИНАНІЯ
СТАРАГО ИСПРАВНИКА.

Составлено В. Л. Селезневыхъ.

Верхнедніпровськь,
Типографія Л. З. Любовскаго.
1902.

Дозволено цензурою Москва, Декабря 8 дня 1901 года.

Окончивъ курсъ средняго учебнаго заведенія и движимый патріотическимъ чувствомъ, осенью 1854 года я поступилъ въ военную службу, въ драгунскій № 2 полкъ, нынѣ Кимбургскій, и отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Полкъ нашъ стоялъ невдалекѣ отъ Евпаторіи. Стоянка была спокойная; дѣлъ никакихъ не было, исключеніемъ одного, когда мы отбивали нашу батарею. Въ этой стычкѣ я былъ раненъ въ ногу. За то въ Севастополѣ бѣдная пѣхота и моряки страдали день и ночь въ вылазкахъ и перестрѣлкахъ: не даромъ имъ зачли мѣсяцъ службы за годъ. Въ этомъ городѣ вездѣ царила смерть.....

Моя военная карьера была прервана совсѣмъ и данно: я пострадалъ изъ за того, что поддержавъ товарищей въ ихъ ссорѣ съ эскадроннымъ командиромъ. И только въ уваженіе къ полученной ранѣ дѣло ограничилось тѣмъ, что я долженъ оставить службу безъ права носить военное. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось искать мѣсто гражданской службѣ.

По заключеніи мира я поступилъ въ Крымское Военное Управленіе, изъ котораго, передъ упраздненіемъ его, перешелъ въ 1859 году въ Екатеринослав-

ское Губернское Правленіе. Въ 1860 году я былъ командированъ въ Комитетъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и, прѣбывъ тамъ два года съ лишнимъ, былъ переведенъ на службу въ Екатеринославскую Палату Государственныхъ Имуществъ, въ контроль, гдѣ былъ назначенъ помощникомъ контролера. Но въ 1864 году при преобразованіи контроля, я остался за штатомъ.

Эти служебныя неудачи побудили меня заняться коммерческими дѣлами. Но у меня не было ни капитала, ни такихъ знакомыхъ, которые могли-бы помочь мнѣ въ этомъ; и потому мнѣ трудно было жить, да еще съ семействомъ. Оставалась надежда на какойнибудь случай. И вотъ, въ одинъ вечеръ, въ Февраль 1866 г. въ Екатеринославскомъ клубѣ я встрѣтился съ И. И. Михайловичемъ чиновникомъ особыхъ порученій при Губернаторѣ, исполнявшимъ должность мѣстнаго полиціймейстера. Онъ очень хорошо зналъ меня, какъ съ нравственной, такъ и со служебной стороны. Между прочимъ онъ спрашивалъ меня:

— Что Вы теперь, Викторъ Петровичъ дѣлаете? Хотите служить по полиціи? Мы васъ завтра же назначимъ на первый разъ хоть помощникомъ пристава; а тамъ посмотрите: поправится будете служить; нѣтъ, всегда можете уйти съ достоинствомъ.

— Надѣюсь, вы останетесь довольны, а намъ такіе

люди пужны. Я отвѣчалъ, что вообще чины полиціи пользуются не совсѣмъ хорошей репутаціей въ общественномъ мнѣніи, и что при тѣхъ средствахъ, которыми они располагаютъ, трудно быть исправнымъ на службѣ и выйти изъ нея чистымъ. На это Михайловичъ отвѣтилъ:

Повѣрьте: все зависитъ отъ самого человѣка. Я васъ знаю вамъ будетъ хорошо. Приходите завтра съ прошеніемъ, и мы васъ сейчасъ зачислимъ на службу.

Подумаю и посоветуюсь съ женою,—отвѣчалъ я, поблагодаривъ его за участіе.

На другой день, я посоветовался съ женой. Я говорилъ ей, что въ полиціи служить мнѣ очень не хочется; но нужда и отсутствіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни заставили меня согласиться съ женой и поступить на службу. Я пошелъ къ Михайловичу, подалъ прошеніе и дѣйствительно черезъ три дня получилъ увѣдомленіе о назначеніи меня помощникомъ пристава во 2-ю часть г. Екатеринослава. Съ сокрушеннымъ сердцемъ отправился я отслужить молебень и затѣмъ, пошелъ представиться начальству.

Въ то время Губернаторомъ былъ Дунинъ Барковский, человѣкъ чрезвычайно умный, прекрасный администраторъ, но очень суровый и гордый: никогда никому изъ полицейскихъ чиновниковъ, кромѣ полиціймейстера, руки не подавалъ. Какъ начальникъ

онъ былъ строгъ, но справедливъ. Принялъ онъ меня надменно, но сказалъ мнѣ прекрасную рѣчь и въ краткихъ словахъ познакомилъ съ тѣмъ, что требуется отъ полицейскаго чиновника.

Пріемъ этотъ мнѣ очень понравился, разумѣется, кромѣ надменности. Я перекрестился и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Приставъ Криворотовъ обласкалъ меня, относился ко мнѣ какъ товарищъ, училъ и объяснялъ всѣ мои служебныя обязанности.

Мѣсяца черезъ два по поступленіи моемъ на службу былъ я въ ночномъ обходѣ со старшимъ городовымъ полиціи и, тремя городовыми своей части. Обходя подозрительныя мѣста, въ одномъ изъ нихъ я увидѣлъ въ окнѣ свѣтъ и, заглянувъ, замѣтилъ компанію изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Тогда я зашелъ въ домъ и нашелъ тамъ много не принадлежащихъ имъ, судя по ихъ виду, вещей какъ-то: хорошее бѣлье, нѣсколько самоваровъ и другое. Подозрѣвая, что означенныя вещи краденныя, я арестовалъ ихъ, а также и трехъ человѣкъ, находившихся въ домѣ, и отправилъ ихъ въ полицію; а самъ пошелъ домой, такъ какъ уже начало свѣтать.

На другой день объ этомъ было доложено приставу и полиціймейстеру; отыскиались хозяева вещей, а дѣло и обвиняемые были переданы по принадлежности.

Черезъ нѣсколько дней былъ я у полиціѣймейстера съ рапортомъ. Прежде онъ принималъ меня довольно привѣтливо, подавалъ мнѣ руку и много разговаривалъ со мною, а на этотъ разъ принялъ надменно, не далъ договорить рапорта и спросилъ:

Были вы въ обходѣ такого-то числа? дѣлали обыскъ? много вещей оставили у себя дома?

Сначала меня страшно оскорбили вопросы полиціѣймейстера, и все его обхожденіе. Но подумавъ, что горячность ни къ чему хорошему не поведетъ, я кротко обратился къ нему и просилъ объяснить въ чемъ дѣло. Онъ грубо сказалъ:

— Что, не знаете?

Я отвѣтилъ, что ничего не знаю и не понимаю, что въ обходѣ я былъ съ десятскими, что вещи арестовалъ, составилъ имъ на мѣстѣ опись и ее вмѣстѣ съ вещами и обвиняемыми, отправилъ прямо въ полицію; самъ же, такъ какъ было почти утро, отправился домой. На другой день закончилъ я—въ полиціи вещи по описи были провѣрены и приняты подъ росписку секретаря Бобчинскаго. Полиціѣймейстеръ иронически выговорилъ: „Такъ ли это?“ я отвѣчалъ, что да, и спросилъ, не угодно-ли ему лично приказать позвать городовыхъ, которые были со мною въ обходѣ, испросить ихъ, всѣ-ли тѣ вещи, которыя найдены въ домѣ Сѣдакова, были представлены въ полицію. Наконецъ, прибавилъ я, что сами

обвиняемые навѣрное покажутъ по справедливости. Если же все это окажется ложью, то я поблагодарю за службу и помолюсь Богу за то, что по крайней мѣрѣ только этимъ окончилось.

Въ отвѣтъ полиціймейстеръ только сказалъ:

— Хорошо завтра приходите утромъ ко мнѣ.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, я пришелъ къ нему и засталъ тамъ секретаря полиціи Бобчинскаго. Привѣтствіе полиціймейстера было ласковое; онъ обратился ко мнѣ со словами.

Извините г-нъ Селезневъ! я вотъ этому господину—онъ указалъ на Бобчинскаго—повѣрилъ на слово; но провѣривъ ваши дѣйствія, я нашелъ васъ безукоризненнымъ.

Затѣмъ онъ обратился къ Бобчинскому:

А вы—если позволите еще разъ клеветать на моихъ чиновниковъ, то я васъ попрошу оставить службу.

Я поблагодарилъ полиціймейстера за такое справедливое рѣшеніе, но все таки просилъ позволенія оставить службу. Но онъ протянулъ руку сказалъ:

— Оставьте не сердитесь! я здѣсь больше виноватъ и въ будущемъ постараюсь загладить свой поступокъ. Оставайтесь на службѣ раскаяваться не будете.

Я согласился.

Личность Бобчинскаго была не совѣмъ безукоризненна въ нравственномъ отношеніи. Онъ сердить

былъ на меня за то, что неоднократно его приглашенія провести у него вечеръ и сблизиться съ нимъ (въ какомъ отношеніи.—я не хотѣлъ понимать) я относился холодно, и если заходилъ, то на самое короткое время.

Спустя полгода, послѣ моего поступленія на службу во вторую часть, былъ назначенъ новый приставъ, нѣкто Веркацкій изъ отставныхъ военныхъ, человѣкъ очень хорошій и правдивый. Пріѣхавъ онъ однажды въ часть, гдѣ засталъ меня, разстроенный и говорить:

— Вообразите, Викторъ Петровичъ, въ нашей части прошлую ночь случилось ужасное происшествіе и никто ничего не знаетъ. Губернаторъ меня арестовалъ, а вамъ приказалъ исполнять мою должность и, во что бы то ни стало, открыть виновниковъ преступленія. Происшествіе заключалось въ слѣдующемъ: въ Екатеринославѣ на проспектѣ былъ домъ съ флигелемъ во дворѣ, принадлежащій помѣщицѣ Павлоградскаго уѣзда, вдовѣ Аксютинѣ. Домъ этотъ стоялъ рядомъ съ мѣстомъ, гдѣ теперь находится Европейская гостиница. Домъ нанимался, а флигель оставался для пріѣздовъ въ городъ хозяйки. При флигелѣ содержался дворникъ. Аксютинѣ пріѣхала въ городъ со своимъ управляющимъ, человѣкомъ лѣтъ 50-ти и горничною. Ночью шайка замаскированныхъ злоумышленниковъ пробралась черезъ слуховое окно въ квар-

тиру. Когда управляющій, услышавъ шумъ въ домѣ, выскочилъ на дворъ, то тутъ еще на порогѣ ему былъ нанесенъ тупымъ орудіемъ ударъ по головѣ. Онъ упалъ безъ чувствъ и, что потомъ происходило, не знаетъ. Злоумышленники, предполагая, что онъ убитъ, отволокли его за амбаръ. Хозяйку же и горничную связали и прикрыли пуховиками, а затѣмъ приступили къ грабежу: взяты ими полученная (ею) пачка денегъ изъ банка, 1200 р. дамскіе и мужскіе (управляющаго) часы, 12 серебряныхъ ложекъ съ вензелемъ и много другихъ золотыхъ и серебрянныхъ вещей. Часовъ въ десять утра управляющій, лежавшій за амбаромъ, очнулся и едва добрелъ до флигеля. Увидавши свою госпожу и горничную связанными, онъ вышелъ во дворъ и началъ кричать. Пришли изъ дому жильцы, освободили связанныхъ и послали за докторомъ, который забинтовалъ управляющему рану на головѣ.

Аксютинна, вмѣсто того, чтобы объ этомъ происшествіи дать знать въ часть или полицію, взяла съ собою управляющаго съ забинтованной головой и поѣхала прямо къ Губернатору.

Полиціймейстеръ, бывшій у Губернатора съ рапортомъ, доложилъ, что въ городѣ все благополучно, а между тѣмъ жертвы ночного разбоя были налицо. Полиціймейстеру сильно досталось отъ Губернатора, а пристава онъ приказалъ арестовать при гауптвахтѣ

на 7 сутокъ.

Выслушавъ все это отъ пристава, я сейчасъ же взялъ изъ части двухъ городскихъ и отправился на мѣсто преступленія.

Отъ Аксютиной и ея управляющаго я ничего новаго добыть не могъ; дворника не было съ ночи: онъ сбѣжалъ; жильцы главнаго дома тоже никакихъ свѣдѣній не дали; при осмотрѣ квартиры и двора ничего не найдено. И во дворѣ и въ домѣ скопилась масса народа. Съ такими свѣдѣніями я отправился въ часть—придумывать планъ розыска преступниковъ. Въ отдаленныя отъ мѣста происшествія питейныя заведенія я разослалъ нѣсколько городскихъ съ тѣмъ, чтобы они выспросили у содержателей, кто изъ публики посѣщалъ ихъ заведенія передъ происшествіемъ за день—два и въ тотъ вечеръ. Старшаго городского части я послалъ осмотрѣть всѣ мѣста пустопорожнія, какъ-то: развалившіяся фабричныя постройки, кирпичные заводы и тому подобное, приказавъ ему, чтобы найдя гдѣ-либо признаки пребыванія разбойниковъ, ничего на мѣстѣ не трогалъ, и немедленно далъ мнѣ знать. Самъ же я рѣшилъ лично обойти питейныя заведенія, находящіяся по ближе къ мѣсту происшествія.

Около 10 час. вечера въ часть собрались разосланные мною по питейнымъ заведеніямъ городовые, ничего не добившись. Старшій же принесъ двѣ пары

старого штатского платья и двѣ фуражки, которыя нашелъ на кирпичномъ заводѣ, невдалекѣ отъ казармы сборнои команды, среди сложенного въ ярусы кирпича.

На другой день съ ранняго утра нѣсколько городовыхъ я разослалъ по всемъ квартирамъ подозрительныхъ лицъ для того, чтобы разслѣдовать и провѣрить, кто изъ нихъ и гдѣ находился въ день происшествія, а самъ со старшимъ отправился на кирпичный заводъ, гдѣ было отыскано платье. Придя на мѣсто, я тщательно осмотрѣлъ его, но рѣшительно ничего не нашелъ ни тамъ, гдѣ оказалось платье, ни во всемъ кирпичѣ. Тогда мы зашли въ печь, гдѣ выжигаютъ кирпичъ и мною была тамъ найдена обложка съ денегъ съ надписью „1200 р.“ и кромѣ того много окурковъ, бумага копѣтъ была, очевидно, вырвана изъ записной книжки. Большіе окурки я взялъ съ собою и отправился на сосѣдній кирпичный заводъ, гдѣ также среди кирпича въ одномъ мѣстѣ нашелъ три пары штатского платья, поношеннаго, и три маски изъ картона самаго незатѣйливаго издѣлія. Въ каждомъ брюкѣ въ карманѣ оказалось по одной ложкѣ съ вензелемъ Аксютиной, а въ карманѣ сюртука—золотые старые часы съ серебрянною цѣпочкою. При дальнѣйшемъ осмотрѣ кирпича нашли еще одну пару платья, серебрянную ложку и хорошіе дамскіе часы съ золотой цѣпочкой.

Больше ничего не было найдено. Отсюда мы отправились въ часть, и я осматрѣлъ платье, найденное наканунѣ, при чемъ въ карманахъ брѣкъ нашель нѣсколько листовъ такой же бумаги, изъ какой были свернуты взятые мною окурки. Послѣ этого я отправился со старшимъ городовымъ по нитейнымъ заведеніямъ. Въ одномъ изъ нихъ послѣ настоятельныхъ распросовъ я узнать отъ содержательницы, что два дня къ ряду переть прощешествіемъ заходили въ заведеніе по утрамъ между 10 и 11 ч. солдаты съ черными погонами въ старенькой шинели и съ нимъ какой-то человѣкъ въ простомъ мужицкомъ платьѣ, никогда прежде не посѣщавшіе ея заведенія.

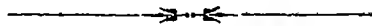
Они выпивали полкварти водки, разговаривали въ водгосса и часто шептались. Я описалъ ей примѣты дворника; она признала ихъ очень похожими и сказала, что ни мужика, ни солдата больше не видала. Отъ городскихъ относительно подозрительныхъ лицъ серьезныхъ свѣдѣній не было получено.

За текущими служебными обязанностями продолжать разслѣдованія въ этомъ домѣ я не могъ. Но имѣя уже такія данныя въ рукахъ, вечеромъ я отправился съ докладомъ къ полиціймейстеру и сказалъ, что по моему мнѣнію, я завтра найду всѣхъ виновниковъ преступленія, такъ какъ имѣющіеся данныя даютъ несомнѣнное основаніе предполагать, что

оно совершенно солдатами Екатеринбургской сборной команды съ участіемъ дворника. Мое предположеніе раздѣлялъ и полиціймейстеръ, онъ немедленно поѣхалъ къ Губернатору и доложилъ ему все обстоятельно. Вызвали и меня туда. Губернаторъ былъ со мною очень ласковъ и входилъ въ самыя мельчайшія подробности этого дѣла. Въслѣдствіе моей просьбы и заявленія, что трудно въ одно время розыскивать преступниковъ и заниматься текущими дѣлами, онъ приказалъ полиціймейстеру немедленно освободить изъ подъ ареста пристава; мнѣ же онъ приказалъ ѣхать домой и отдохнуть, а такъ же распорядиться, чтобы городовые, которые находились въ розыскахъ, эту ночь провели въ отдыхѣ.

На слѣдующій день въ 9 час. утра я со своимъ старшимъ городовымъ былъ уже въ казармѣ сборной команды. Вызвавъ фельдфебеля, я произвелъ обыскъ и въ одной изъ солдатскихъ кроватей подъ тюфякомъ нашелъ книжку, изъ которой были вырваны листы, найденные въ брюкахъ. Затѣмъ при обыскѣ его самого также нашли въ карманѣ шинели нѣсколько листовъ, вырванныхъ изъ той же книжки и табакъ, тождественный съ табакомъ окурковъ. Послѣ этого я взялъ солдата въ отдѣльное помѣщеніе для допроса въ присутствіи фельдфебеля. Солдатъ страшно измѣнился въ лицѣ, да и фельдфебель имѣлъ видъ растерянный. Когда уликами и убѣжденіями я

уже привелъ солдата къ сознанию, фельдфебель тутъ же заявилъ мнѣ, что онъ отъ этого и еще другихъ 10 человекъ рядовыхъ отобралъ сего числа болѣе 1000 р. и передалъ начальнику сборной команды, капитану Бочкину; въ томъ же, гдѣ они взяли эти деньги они не сознались фельдфебелю и по этому поводу долженъ былъ посѣтить казармы начальникъ. Дѣйствительно, когда я собирался послать за начальникомъ, (это было около часа дня), онъ самъ пріѣхалъ и вручилъ мнѣ деньги—1000 р. съ лишнимъ новыми кредитными билетами, объяснивъ, что объ этомъ случаѣ онъ не успѣлъ еще дать знать полиціи, но хотѣлъ объявить уже послѣ допроса солдатъ. 10 солдатъ сейчасъ же сознались въ совершенномъ преступленіи, а одиннадцатый заперся и не хотѣлъ сознаться. Въ преступленіи этомъ, по предварительному уговору, участвовалъ и дворникъ, который тогда не былъ розысканъ.

За такое успѣшное раскрытіе преступленія я получилъ личную благодарность отъ полиціймейстера и Губернатора.

Послѣ этого случая служба моя стала чрезвычайно трудной: гдѣ-бы ни случилось въ городѣ преступленіе, убійство или серьезная кража, полиціймейстеръ бывало, сейчасъ командируетъ меня, не стѣняясь частью. Но еще сильнѣе одолевали меня ко-

мандировки, въ праздничные и табельные дни, въ соборъ для наружнаго порядка во время богослуженій. Прежде эта обязанность лежала на полицейскихъ чиновникахъ 1-ой части, такъ какъ соборъ по своему мѣстонахожденію входилъ въ ея составъ. Потомъ дежурили поочередно изъ всѣхъ частей; и не проходило праздника или табельнаго дня безъ того, чтобы за безпорядокъ не былъ Губернаторомъ арестованъ дежурный полицейскій чиновникъ. Только мое дежурство всегда обходилось счастливо, вѣдѣтвѣ чего полиціймейстеръ и назначилъ меня на постоянное дежурство. Въ эти разъѣзды по чужимъ частямъ и въ соборъ, вынудили меня, хотя и изъ очень ограниченнаго содержанія, завести свою лошадь.

Расходы по посредствамъ и непосильная служба заставили меня, при открывшейся мѣстечкѣ Инкинолѣ должности полицейскаго надзирателя, просить губернатора о назначеніи меня туда. Губернаторъ согласился, но сожалѣлъ, что я оставляю городскую службу и обѣщать мнѣ первую, какая освободится, вакансію пристава въ городѣ. Я отказался, имѣя въ виду, что въ городѣ жизнь дорога служба непосильная и, въ концѣ концовъ, сдѣлалась несостоятельнымъ. Такимъ образомъ послѣ 10 мѣсяцевъ городской службы я очутился въ уѣздной подѣ начальствомъ исправника.

Вступивъ въ должность полицейскаго надзира-

теля Никополя, я вздохнулъ свободно, во первыхъ потому, что получилъ содержаніе болѣе чѣмъ на 300 руб. въ годъ, а во вторыхъ потому, что тамъ не было той суеты и, почти ежедневныхъ преступленій, да и подальше я былъ отъ начальства. Служба моя въ Никополѣ была дѣломъ удовольствія; за время около двухъ лѣтъ, кражъ и серьезныхъ преступленій не было; одна только была громадная работа съ евреями, торговавшими хлѣбомъ. Во время навигаціи не было такого дня, чтобы крестьяне не жаловались на евреевъ за обвѣсъ. Судопроизводство въ то время было очень затруднительно, поэтому большею частью дѣла эти приходилось кончать миромъ. Но случалось болѣе серьезные продѣлки, какъ напр. слѣдующая: евреи устраивали подъ вѣсами погребъ, и отъ доски вѣсовъ проводили туда бѣлую волосинку. Въ этомъ погребѣ сидѣлъ еврейчикъ и посредствомъ волосинки то отдавалъ, то притягивалъ вѣсы по стуку еврея, вѣсившаго хлѣбъ. Такіе дѣла передавались въ судъ.

Уголовное дѣло только одно было въ бытность мою въ Никополѣ, это—съ мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ Кречетомъ. Кречеть часто ѣздилъ въ Екатеринославъ, но всегда одинъ за жалованьемъ, а также и за другими надобностями. Онъ былъ полякъ—католикъ и знакомство велъ по преимуществу съ по-

ляками. Въ имѣніи Великаго Князя Михаила Михайловича, находящемся въ Херсонскомъ уѣздѣ, не-
вдалекѣ отъ м. Никополя, жилъ врачъ, тоже полякъ
Гаринъ, человѣкъ богатый и семейный. Кречетъ час-
то бывалъ у него. Однажды Гаринъ попросилъ слѣ-
дователя при поѣздкѣ его въ Екатеринославъ полу-
чить изъ приказа общественнаго призрѣнія 4.400 р.
Какъ то я захожу къ Кречету и узнаю, что онъ уже
дня два какъ выѣхалъ въ Екатеринославъ и даже,
противъ обыкновенія, взялъ съ собою писмоводите-
ля. Мнѣ говорятъ, что онъ не сегодня завтра воз-
вратится. Спустя дня два, передъ свѣтомъ. (это бы-
ло въ лѣтнее время) будятъ меня и говорятъ, что
пріѣхалъ верховой отъ слѣдователя съ заявленіемъ,
что въ 7 вер. отъ Никополя, у каменнаго моста, раз-
бойники связали слѣдователя и ограбили, и что онъ
тамъ и лежитъ. Я сію минуту отправился на стан-
цію, чтобы взять лошадей и скорѣе отправиться на
мѣсто происшествія.

На станціи я уже засталъ запряженныхъ лоша-
дей въ перекладную, съ ямщикомъ, котораго прис-
лалъ слѣдователь, чтобы ѣхать за нимъ. Я поѣхалъ
съ однимъ десятскимъ, который былъ у меня на де-
журствѣ. Во время переѣзда отъ ямщика я узналъ
слѣдующее. Въ экипажѣ Кречета отвинтилась и за-
терялась дорогою гайка и, почти у самого моста
свалилось колесо, почему, не имѣя возможности

ѣхать далѣе, онъ послалъ ямщика въ Никополь на станцію запретъ лошадей въ перекладную, чтобы доставить его въ Никополь и прислать другихъ лошадей въ экипажъ. Слѣдователь ѣхалъ изъ Екатерин-послава домой. Отъѣхавъ версты четыре отъ предпослѣдней станціи, онъ послалъ туда ямщика верхомъ за забытою тамъ серебряною табакеркою; тотъ отпрягъ одну лошадь, съѣздить и привезъ забытую вещь, затѣмъ благополучно ѣхали до этого случая.

Прибывъ на мѣсто происшествія, когда было уже совсѣмъ свѣтло, я засталъ такую картину. Открытая петчанка безъ одного колеса на самой почтовой дорогѣ была опрокинута и изъ нея все было выброшено. Слѣдователь со связанными руками и ногами лежалъ головою на подушкѣ, и во рту у него было нѣсколько бумажекъ, совсѣмъ не мѣшавшихъ однако говорить. Чемоданъ былъ открытъ, замокъ въ немъ сломанъ и изъ него выброшены вещи, а также три „дѣла“ съ изорванными листами. Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ слѣдователя валялись золотой хронометръ съ такою же цѣпью довольно полноувѣною.

Прежде всего я освободилъ его ротъ отъ бумажныхъ лоскутковъ, какъ видно вырванныхъ изъ „дѣлъ“, а затѣмъ началъ развязывать ему руки и ноги. Онъ былъ связанъ возжами, оставленными, по его требованію, ямщикомъ въ экипажѣ. Руки были связаны совсѣмъ слабо; едва дотронулись узелъ развязался.

Слѣдователь это объяснилъ тѣмъ, что онъ все время старался освободить руки. Серебрянная табакерка также отыскалась въ десяти шагахъ отъ него. По освобожденіи потерпѣвшаго отъ возжей и бумажекъ, онъ мнѣ разсказалъ, что везъ изъ Екатеринослава, по порученію доктора Гарина 4.400 руб. и, что эти деньги, въ отсутствіи ящика, неизвѣстными 5-ью злоумышленниками у него отняты. Деньги находились въ чемоданѣ, откуда взяты также разные золотыя вещи. Злоумышленники послѣ ограбленія удалились по направленію къ д. Нечаевкѣ въ 2---3 верстахъ отъ почтовой дороги. Раньше явившемуся туда приказчику Нечаевской экономіи онъ не позволилъ развязать себя для того, чтобы я могъ видѣть, въ какомъ положеніи онъ находится.

Сообразивъ видѣнное мною и сообщенное ящикомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что тутъ дѣло не ладно. Но чтобы не дать слѣдователю замѣтить, мое сомнѣніе и подозрѣніе, я выразилъ ему искреннее соболѣзнованіе по поводу такого несчастья и, сейчасъ же послалъ своего десятскаго въ дер. Нечаевку съ приказаніемъ старостѣ оказать самое быстрое и усердное содѣйствіе розыску злоумышленниковъ. Я распорядился, чтобы нарядили для этого верховыхъ и, въ случаѣ поимки преступниковъ, представили ихъ въ Никополь подъ строжайшимъ карауломъ. Потомъ розыскавши и собравши все вмѣстѣ, мы со слѣдовате-

лемъ сѣли на перекладную и поѣхали въ Никополь. Дорогою я сказалъ Кречету, что по прїѣздѣ въ Никополь я только выпью чаю и сейчасъ-же самъ поѣду въ дер. Нечасовку и просилъ описать примѣты злоумышленниковъ и платья ихъ.

Но онъ мнѣ на это отвѣтилъ, что тогда сильно испугался и рѣшительно ничего не помнитъ, тѣмъ болѣе, что на дворѣ было еще темновато а эта катастрофа произошла очень быстро, почему онъ и не успѣлъ замѣтить злоумышленниковъ. При этомъ онъ просилъ меня въ тотъ же день послать съ нарочнымъ письмо къ доктору Гарину, не особенно утруждать себя пространнымъ дознаніемъ по этому дѣлу, а только составить протоколъ осмотра и съ нарочнымъ отправить его въ судъ.

Оттуда, молъ, будетъ командированъ слѣдователь для производства слѣдствія и, такимъ образомъ они уже разслѣдуютъ всѣ детали этого дѣла съ помощью его, Кречета. Я согласился съ его мнѣніемъ, сказавъ, что дѣйствительно такъ нужно поступить, чтобы не испортить дѣла и мы по прїѣздѣ въ м. Никополь разстались.

Передавъ женѣ всю эту исторію, со своимъ мнѣніемъ, и напившись чаю, я поѣхалъ въ деревню Нечасовку, предупредивъ жену, что ежели я сегодня не ворочусь, то значитъ я заѣду къ своей двоюродной сестрѣ, живущей отъ этой деревни верстахъ въ 15-ти.

Пріѣхавъ въ дер. Нечаевку я еще засталъ своего десятекаго, которому приказалъ сообщить дома, что будто напали на слѣдъ злоумышленниковъ и самъ поѣхалъ дальше. Между тѣмъ я полагалъ, что такъ буду имѣть дѣло съ самымъ судебнымъ слѣдователемъ, то нужно на случай неудачи принять относительно себя всѣ мѣры предосторожности,---по пословицѣ: „Не суйся въ воду, не спросясь броду“ И поѣхалъ прямо въ Екатеринославъ, явился къ исправнику и обстоятельно все доложилъ ему, при чемъ высказалъ свое подозрѣніе, что все это устроилъ самъ Кречеть, и увѣренность, что мнѣ удастся доказать это фактически съ розысканіемъ даже денегъ. Исправникъ, выслушавъ все это, сейчасъ же, хотя уже было болѣе 9-ти час. вечера, повезъ меня къ Губернатору. Губернаторъ принялъ насъ, вполнѣ согласился съ моимъ мнѣніемъ и послалъ насъ къ прокурору для доклада объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ онъ сказалъ: „васъ же прошу поторониться производствомъ этого дѣла.“ А такъ какъ я доложилъ ему объ опасности быстрого командированія слѣдователя, которое можетъ испортить и прекратить всѣ мои разслѣдованія то онъ, обращаясь къ исправнику сказалъ: „попросите прокурора не торопиться, посылкою слѣдователя, а его лично попросите завтра утромъ ко мнѣ“. Мы съ исправникомъ прямо отъ Губернатора отправились къ прокурору и, на мое счастье застали его дома.

Онъ выслушалъ все подробно и предложилъ немедленно отправляться и произвести самое тщательное разслѣдованіе, пользуясь широчайшимъ образомъ статьею закона, гдѣ говорится что чины полиціи въ отсутствіи слѣдователя располагають его правами. Онъ прокурора исправникъ пригласилъ меня къ себѣ ужинать, а послѣ ужина я выѣхалъ обратно въ Никополь.

Дорогой я узналъ, что писмоводитель Кречета проѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ въ Никополь за день до пріѣзда его самого и что вещей у него было далеко не много, такъ что, по моему мнѣнію, и это обстоятельство имѣло большое значеніе. Имщикъ съ предпоследней станціи передъ Никополемъ, везшій Кречета, къ своему показанію ничего не прибавилъ. Только на мой вопросъ „подмазывали ли на станціи петочанку“—онъ рѣшительно заявилъ, что не подмазывали.

Возвратившись домой въ тотъ же день передъ вечеромъ я зашелъ къ Кречету, засталъ тамъ Гарина, прочелъ имъ обоимъ составленный мною протоколъ осмотра и сказалъ, что сейчасъ отправляю его прокурору. Они нашли, что протоколъ прекрасно составленъ. Когда же я передалъ, что всѣ мои поиски злоумышленниковъ остались напрасными, то Гаринъ чрезвычайно смутился, а Кречетъ въ утѣшеніе сказалъ:
— Повѣрьте, это ничего не значить. Увидите прі-

ѣдетъ слѣдователь, вѣроятно по важнымъ дѣламъ, такъ онъ отыщетъ деньги и разбойниковъ.

Но видно было по наружному виду Гарина, что онъ мало этому вѣрилъ; жена Кречета тоже была въ большомъ волненіи и произносила только: „это ужасно, это ужасно“. Она жаловалась на то, что имъ нечѣмъ будетъ жить цѣлый мѣсяцъ, такъ какъ и жалованье, полученное въ Екатеринославѣ, также ограблено. При видѣ искренняго горя Гарина и разыгрываемой супругами Кречетъ комедіи, мнѣ стало тяжело на душѣ и, такъ какъ я былъ очень утомленъ, то не остался ужинать и отправился домой.

На другой день рано утромъ я послалъ за писмоводителемъ слѣдователя и отъ него узналъ, что онъ взятъ былъ Кречетомъ въ Екатеринославъ неизвестно для чего, прожилъ тамъ почти два дня, ничего не дѣлая, а затѣмъ ему было вручено жалованье за мѣсяцъ и довольно толстый пакетъ на имя жены Кречета; покупокъ было очень мало. Кречетъ приказалъ ему покупки и пакетъ отдать женѣ и предупредилъ, что это очень важный пакетъ и его нужно беречь, чтобы не потерять. Сообразивъ все это, я пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что Кречетъ всю эту исторію съ деньгами Гарина самъ подготовилъ и устроилъ и ссылается на вымышленный грабежъ. Гайка съ колеса не могла свалиться сама: ее отвинтилъ Кречетъ, когда ямщикъ уѣхалъ за табач-

ницею. По его же приказанію ямщикомъ были оставлены на неточанкѣ возжи. Письмоводителя онъ бралъ собственно для того, чтобы отослать въ пакетъ женѣ деньги, принадлежащія Гарину. Я обо всѣхъ этихъ данныхъ составилъ протоколъ съ заключеніемъ: сдѣлать у Кречета обыскъ.

Пригласивъ двухъ мѣстныхъ купцовъ для присутствія при обыскѣ и захвативъ двухъ десятскихъ, я отправился съ ними на квартиру слѣдователя Кречета. Его и жену мы застали пившими чай; оба при нашемъ появленіи очень смутились. Онъ взволнованнымъ голосомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „что это вы навели цѣлую ватагу полиціи и постороннихъ людей?“ Когда я сказалъ, что мнѣ предстоитъ сдѣлать у него обыскъ, онъ началъ горячиться, кричать, что этого не позволить, что это небывалая исторія—у слѣдователя дѣлать обыскъ. „Какъ вы смѣли даже подумать объ этомъ“, закончилъ слѣдователь. Жена его пришла въ ужасъ и упала въ обморокъ. Замѣтно было, что это искусственный обморокъ, но я все таки послалъ за докторомъ; какъ только я сдѣлалъ это, она вскочила съ кресла и хотѣла уйти, но я остановилъ ее предупредивъ, что, если она не исполнитъ моего приказанія добровольно, то я заставляю силой выполнить его. Тутъ пришелъ докторъ; я приступилъ къ обыску. Прежде всего былъ осмотрѣнъ комодъ, и тамъ въ первомъ же ящикѣ я

нашелъ болѣе ста руб. денегъ. Затѣмъ при дальнѣйшемъ обыскѣ въ углу за большимъ въ рамѣ Распятиемъ Спасителя я нашелъ всѣ 4.400 рублей. Осмотрѣвъ же корзину съ порванными бумагами, я нашелъ не совсѣмъ изорванный конвертъ, на которомъ былъ адресъ жены Кречета, писанный его рукою. Когда я вложилъ въ него найденную мною пачку кредитокъ, то оказалось что онъ какъ разъ вмѣщаетъ эти деньги. Я составилъ протоколъ обыска и постановленіе о домашнемъ арестѣ Кречета.

Сдѣлавъ все это при страшной растерянности супруговъ, я ушелъ изъ квартиры Кречета. Гарина уже небыло въ Никополѣ, онъ отправился домой. Поэтому я послалъ за нимъ парочнаго, и въ тоже время обо всемъ подробно донесъ исправнику и прокурору тоже съ парочнымъ.

На другой день вечеромъ около 10 ч. пріѣхалъ исправникъ со слѣдователемъ по особо важнымъ порученіямъ и засталъ у меня Гарина, который уже получилъ сполна свои деньги и заявилъ всѣмъ присутствующимъ, что только благодаря чуду, его деньги не пропали и, что онъ никакъ не надѣялся на такой оборотъ этого дѣла. Изготовивъ въ надлежащемъ порядкѣ всѣ бумаги по этому дѣлу, я передалъ ихъ прибывшему слѣдователю.

Судъ приговорилъ Кречета къ лишенію всѣхъ

правъ состоянія и чиновъ и къ ссылкѣ на поселеніе не въ столь отдаленныя губерніи Сибири.

Тамъ же въ Никополѣ весною 1869 года случилось слѣдующее событіе: для нагрузки хлѣбомъ прибылъ съ баржею частный пароходъ принадлежавшій мичману Калининчу. Груза готоваго не было и Калининчу пришлось ожидать. Такъ какъ онъ былъ молодой человѣкъ, образоваанный и, какъ видно, съ хорошимъ воспитаніемъ и состояніемъ, то отъ скуки перезнакомился со всего интеллигенціей м. Никополя. Онъ вездѣ былъ чрезвычайно пріятнымъ гостемъ; устраивались вечеринки съ танцами и онъ всегда очень много танцевалъ. Чаще всего онъ бывалъ у доктора, у котораго была жена и, еще у нихъ жила сестра его жены дѣвица, обѣ молоденькія и очень красивыя еврейки. Калининчъ началъ ухаживать за сестрою докторши; но все это было такъ прилично, что никто на это не обращалъ никакого вниманія.

Въ тоже время въ Никополѣ стоялъ баталіонъ 134-го Пѣхотнаго Симферопольскаго полка. Командиръ и офицеры были все молодые люди и съ ними было чрезвычайно весело. Командиръ баталіона майоръ Добрынинъ былъ очень умный и веселый человѣкъ, но когда ему случалось выпить лишнюю рюмку, онъ дѣлался очень придиричивъ. Впрочемъ, общество, зная его недостатокъ, уступало, и потому

никогда серьезных столкновений не происходило.

Когда наконец пароходъ былъ уже нагруженъ и на другой день рѣшено было выйти съ хлѣбомъ въ Одессу, Калиничъ наканунѣ пригласилъ къ себѣ на пароходъ все общество на обѣдъ. Была и музыка. Собрались всѣ офицеры баталіона съ командиромъ Добрынинымъ; пришелъ и я съ женою. Въ 2 часа дня на палубѣ подавъ былъ обѣдъ, чрезвычайно вкусный съ дорогими закусками; пили, ѣли, было очень весело. Обѣдъ довершили мороженное и шампанское. Добрынинъ держалъ себя все время хорошо, но уже за шампанскимъ началъ придирается къ хозяину; тотъ не обращалъ на это вниманія. Послѣ обѣда Калиничъ повелъ дамъ осмотрѣть пароходъ, пошли и нѣкоторые мужчины, но большая часть мужчинъ осталась на верху. Въ числѣ ихъ былъ и Добрынинъ. По возвращеніи общества на верхъ начались на палубѣ танцы. Протанцовавъ часа два, публика начала расходиться—съ тѣмъ, чтобы въ тотъ вечеръ собраться у доктора; поэтому жена доктора нѣсколько ранѣе отослала свою сестру домой, чтобы распорядиться пріемомъ гостей. Маіоръ Добрынинъ порядочно выпившій, видя доктора съ женою только и не зная, что ея сестра ушла раньше, и не замѣтивъ самого Калинича, который стоялъ на берегу и провожалъ гостей, заподозрилъ, что онъ съ сестрой докторши остался въ каютѣ. Не сказавъ никому ничего

Добрынинъ пошелъ въ каюту, чтобы оградить дѣвушку отъ насилія, какъ потомъ онъ заявилъ, но выйти изъ каюты онъ не могъ, потому что не умѣлъ отворить дверей, и остался тамъ. Всѣ гости разошлись; я съ женою и еще однимъ знакомымъ адвокатомъ Голенштатомъ ушли послѣдними.

По дорогѣ я вспомнилъ, что, кажется, майоръ Добрынинъ съ парохода не уходилъ и потому, проходя мимо его квартиры, я спросилъ вѣстового, дома ли Добрынинъ. Онъ отвѣтилъ отрицательно. Тогда я предложилъ Голенштату возвратиться на пароходъ и взять Добрынина, а женѣ предложилъ идти домой. Мы съ адвокатомъ вернулись и, зайдя въ каюту, были поражены ужасной картиной: Добрынинъ лежалъ на скамейкѣ, связанный по рукамъ и ногамъ и подлѣ него находились у изголовья два матроса. Калиничъ же безъ сюртука, въ залитой кровью на груди рубашкѣ, взволнованный ходилъ по каютѣ. Голенштатъ, увидѣвъ эту картину моментально убѣжалъ, оставивъ меня одного съ названною компаніей. Недоумѣвая, что это значить, я обратился къ Калиничу за разъясненіемъ. Калиничъ рассказалъ, что проводивши всѣхъ гостей, онъ возвратился на пароходъ и спустился въ свою каюту, чтобы переодѣться и идти къ доктору, но не успѣлъ отворить каюты, какъ навалился на него Добрынинъ и ударилъ по лицу, крича: „подлецъ, такъ это ты заперъ меня“, У

Калинича кровь полилась изъ носу, а Добрынинъ лѣзь еще драться. Тогда Калиничъ позвалъ матросовъ и велѣлъ связать майора.

Сообщивъ, что съ Добрынинымъ произошло недоразумѣніе, я упросилъ Калинича простить ему и освободить его отъ веревокъ. Добрынинъ далъ слово, что буйствовать не будетъ, и его сейчасъ-же развязали. Дѣйствительно, Добрынинъ былъ тихъ, привелъ себя въ порядокъ и ушелъ; и я велѣлъ за нимъ. Проводивши его до квартиры, я вернулся къ себѣ домой, но не успѣлъ пробыть дома нѣсколько минутъ какъ услышалъ, что горнисты и барабанщики бьютъ тревогу. Я выскочилъ на улицу, предполагая, что случился пожаръ, но распросивши солдатъ, узналъ, что пожара нигдѣ не видно. Тогда я пошелъ къ Добрынину узнать причину тревоги и, о ужасъ,—слышу, что Добрынинъ собираетъ баталіонъ для отомщенія Калиничу за оскорбленіе чести офицера. Что дѣлать? я ту же минуту послѣшилъ на пароходъ, извѣстить Калинича о намѣреніи Добрынина и распорядился, чтобы пароходъ тотчасъ же убралъ сходни и снялся съ якоря, а самъ возвратился къ Добрынину. Тамъ я засталъ нѣсколько офицеровъ, съ которыми началъ уговаривать Добрынина оставить эту затѣю, но съ нимъ нельзя было ничего подѣлать. Тогда я послалъ за Никопольскимъ городскимъ головою, къ которому Добрынинъ относился съ уваже-

ніемъ, но еще до прибытія его Добрынинъ съ отрядомъ солдатъ, человекъ въ полтораста, направился къ пароходу. Видя, что парохода у берега уже нѣтъ, что онъ стоитъ на срединѣ Днѣпра, майоръ приказалъ солдатамъ стрѣлять по пароходу. Тутъ подошелъ городской голова. Онъ, я и офицеры наконецъ уговорили Добрынина прекратить этотъ походъ и уйти домой. Однако, это дѣло не обошлось ему даромъ; у него отняли баталіонъ, и онъ дослуживалъ въ полку безъ назначенія. Скоро онъ умеръ.

Въ послѣднее время службы моей въ Никополѣ вышли нѣкоторые недоразумѣнія съ головой. Онъ началъ требовать отъ меня содѣйствія въ его незаконныхъ дѣлахъ. Такъ какъ его поддерживалъ неправикъ, то я, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, просилъ у Губернатора перевода и, въ скоромъ времени меня назначили полицейскимъ надзирателемъ въ г. Верхнеднѣпровскѣ. Здѣсь открылось широкое поле для моей дѣятельности по раскрытію серьезныхъ преступленій.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность на главной улицѣ города въ питейномъ заведеніи была убита хозяйка его, еврейка, съ 14 лѣтнимъ ея сыномъ. Помню хорошо, что это случилось наканунѣ праздничнаго базарнаго дня, ночью, въ началѣ Ноября мѣсяца 1869 года. Дѣло было такъ: утромъ яв-

ляется ко мнѣ старшій десятскій, докладываетъ, что въ городѣ все благополучно, и уходитъ. Затѣмъ черезъ полчаса онъ торопливо возвращается и докладываетъ, что случилось несчастье: убита еврейка съ сыномъ невдалекѣ отъ моста на главной улицѣ города, въ питейномъ заведеніи. Я наскоро одѣлся и съ нимъ же отправился на мѣсто преступленія. У дома, въ которомъ лежали убитые, народу было масса; но мало этого: народъ забрался уже и въ комнату убитыхъ. Я сейчасъ же удалилъ оттуда всѣхъ, оставивъ только двухъ человѣкъ понятыхъ, десятскаго отправилъ за двумя другими десятскими, а самъ зашелъ къ исправнику и судебному слѣдователю доложить о происшествіи и, послѣдняго пригласить для осмотра; слѣдователь отвѣтилъ, что онъ придти не можетъ, боленъ. Тогда я приступилъ къ осмотру труповъ, комнаты и всего находящагося въ ней. Трупъ еврейки (съ нѣсколькими разсѣченными ранами) лежалъ на земляномъ полу вблизи большого деревяннаго открытаго сундука. Замокъ былъ отпертъ, въ замкѣ торчалъ ключъ, на которомъ висѣло нѣсколько другихъ ключей. Вокругъ трупа огромная лужа крови. Мальчикъ, тоже убитый, лежалъ на печкѣ, весь въ крови, также съ раздробленной головой. Внизу на полу, возлѣ печки валялся топоръ, лезвіе и рукоятка котораго были въ крови. Въ сундукѣ все платье было перерыто и, денегъ не оказалось нигдѣ;

окно и двери были совершенно цѣлы. На столѣ стояла потушенная сальная свѣча въ подсвѣчникѣ и около нея лежали пачка простыхъ фосфорныхъ спичекъ. Преступниками не оставлено никакихъ предметовъ, которые могли бы служить уликою, но по всему видно было, что убійство совершено злоумышленниками, близко знавшими убитую еврейку.

Поставивъ караулъ въ квартирѣ убитыхъ, я приказалъ никого не впускать туда, а самъ отправился къ евреямъ, жившимъ въ томъ же домѣ, гдѣ совершено убійство—черезъ корридоръ напротивъ. Въ этой квартирѣ евреи были всѣ спокойны, такъ что заподозрить ихъ участіе въ этомъ преступленіи я рѣшительно не могъ. Я началъ разспрашивать ихъ съ кѣмъ была знакома еврейка—сосѣдка и кто ее посѣщалъ изъ болѣе или менѣе подозрительныхъ личностей. Многіе показали, что нѣсколько дней у нея работалъ на дворѣ въ качествѣ поденщика отставной солдатъ Тома Горбань, да и такъ вообще бывалъ у нея частенько и сиживалъ во дворѣ. Зная Горбаня за человѣка нетрезваго, лѣниваго и уже замѣченнаго въ небольшихъ кражахъ, я сейчасъ же съ понятыми и десятскими отправился къ нему на квартиру, которая была ксати, близко отъ мѣста происшествія. Хозяина мы не застали дома, застали только его любовницу, спавшую на печи. Разбудивъ ее, я приказалъ ей слѣзть съ печи и позвалъ къ себѣ. На доп-

росъ она чрезвычайно растерялась; видно было, что она ночь провела безъ сна и пьянствовала. Я произвелъ обыскъ квартиры. На столѣ найдены остатки хлѣба, два пустыхъ шкалика изъ подъ водки и два кувшина, наполненныхъ водкою; на лавкѣ стояла миска съ мутной водой розоватаго цвѣта, въ ней вѣроятно мылся Горбань. На вопросъ; „гдѣ ея сожигатель“, она отвѣтила, что онъ пошелъ на базаръ. Я сейчасъ же послалъ за нимъ десятскаго, а самъ съ понятыми расположился ожидать. Десятскому приказалъ, что если онъ найдетъ Горбаня, то чтобы очень за нимъ смотрѣлъ и привелъ сюда. Просидѣвъ около 20 минутъ, мы въ окно увидѣли, что Горбань идетъ домой одинъ съ корзиной въ рукахъ. Войдя въ избу и увидя меня съ понятыми, онъ совершенно растерялся; даже корзина съ съѣстными припасами выпала у него изъ рукъ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ невпопадъ. Когда я его обыскалъ, то за обшлагомъ рукава солдатской шинели нашелъ 14 рублей: 9 кредитокъ рублевыми билетами и 1 пятирублевую въ крови. Осмотрѣвъ шинель, на ней я нашелъ много свѣжихъ кровавыхъ пятенъ, происшедшихъ вѣроятно отъ взмаха топора; у него на рукахъ, хотя онѣ и были вымыты, въ складкахъ кожи видны были слѣды крови. Тоже оказалось и на сапогахъ; хотя они были свѣже смазаны, но кровь была явственно видна между подошвами.

Долго Горбань не признавался въ своемъ преступленіи, лживо опровергая всѣ фактическія доказательства; но когда я нарисовалъ ему картину преступленія и сказалъ, что еврейчикъ живъ, все видѣлъ и рассказалъ, то тутъ уже Горбань пересталъ запереться и сознался. Онъ рассказалъ слѣдующее: мѣсяца за три до преступленія онъ по нуждѣ заложилъ этой еврейкѣ пальто своей любовницы за два рубля. Такъ какъ наступала осень, начались холода, и ходить безъ пальто нельзя было, то любовница его не давала ему покоя. Наконецъ, не имѣя денегъ, онъ рѣшился пойти ночью къ еврейкѣ и выпросить у нея пальто, обѣщая слѣдующіе деньги отработать; въ крайнемъ случаѣ онъ намѣренъ былъ отнять у нея пальто. Съ этой цѣлью онъ почти уже на разсвѣтъ отправился къ еврейкѣ и такъ какъ былъ хорошо съ нею знакомъ, постучалъ въ окно и просилъ ее отворить дверь. Онъ сказалъ ей, что желаетъ выкупить пальто и принесъ деньги, а пришелъ такъ рано потому, что его любовницѣ нужно идти на базаръ. Еврейка долго не соглашалась отпереть дверь, но наконецъ отворила и впустила его въ домъ, гдѣ уже горѣла свѣча, стоявшая при входѣ на столѣ. Едва войдя въ комнату, онъ потребовалъ, чтобы еврейка показала ему пальто, но та въ свою очередь упорно требовала прежде деньги, наконецъ согласилась, отперла сундукъ и вынула оттуда пальто, Горбань хо-

тѣлъ было схватить пальто и убѣжать, но въ то время, когда онъ отнималъ пальто, еврейка ударила его по лицу. Это его взбѣсило. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ подъ скамейкой, топоръ, схватилъ его и ударилъ еврейку по головѣ, а потомъ уже безсознательно началъ наносить ей удары. Въ то время, когда онъ уже покончилъ съ еврейкой, мальчикъ на печкѣ началъ кричать. Горбань и его хватилъ по головѣ топоромъ, сначала обухомъ, а потомъ нѣсколько разъ ударилъ лезвиемъ. Послѣ всего этого онъ взялъ находившіеся на верху въ сундукъ деньги, 22 рубля кредитными билетами, и пальто, потушилъ свѣчу, затворилъ всѣ двери и ушелъ.

Горбань за это убійство присужденъ былъ къ пятилѣтней каторжной работѣ.

По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прислалъ однажды за мной, совсѣмъ не въ урочное время исправникъ и приказалъ мнѣ сейчасъ же отправиться въ подгородное село Пушкаревку для производства дознанія по дѣлу объ убійствѣ крестьянина того села Мартина Грицаца съ цѣлью ограбленія. Черезъ часъ я уже былъ на мѣстѣ происшествія и увидѣлъ такую картину: на порогѣ пзбы, находившейся шагахъ въ 20 отъ воротъ, лежалъ трупъ человѣка лѣтъ 70-ти. Большая половина трупа выдавалась во дворъ. Онъ былъ босой, въ холщевой рубахѣ и такихъ же

птанахъ, въ которыхъ лѣвый карманъ былъ совсѣмъ вырѣзанъ. Рана нанесена ниже лѣвой лопатки острымъ орудіемъ и довольно широкимъ; подъ трупомъ и около него видна была лужа крови. Я приступилъ къ разслѣдованію.

Въ избѣ находилась жена убитаго, старуха, которая показала, что не задолго до разсвѣта кто-то постучался въ окно и ея мужъ, отворивъ дверь, вышелъ на дворъ. Въ ту же минуту онъ сильно вскрикнулъ и затѣмъ все затихло. Подождая немного, она засвѣтила свѣчку и, такъ какъ мужъ не возвращался, то вышла въ сѣни, и слышитъ, что кто-то хрипитъ. Она замѣтила, что дверь на дворъ открыта. Тогда она взяла свѣчу и увидѣла, что мужъ ея окровавленный, лежитъ на порогѣ, совершенно безъ чувствъ; Разумѣется она пришла въ ужасъ, начала кричать, но на помощь никто не приходилъ. Тогда она отправилась къ сосѣдямъ, которые и нашли убитаго въ томъ положеніи, какъ выше сказано.

Такъ какъ на мѣстѣ преступленія вещественныхъ доказательствъ не было найдено никакихъ, то открыть убійцъ представлялось возможнымъ только посредствомъ разспросовъ. Вслѣдствіе этого я обратился къ старухѣ за разъясненіями. Она рассказала, что мужъ ея на послѣдней ярмаркѣ въ селѣ Лиховкѣ продалъ двѣ пары воловъ за 180 рублей; да кромѣ того у старика еще были свои деньги, сколько, она

не знаетъ,—и что онъ деньги носилъ всегда при себѣ, это могли знать и посторонніе. Къ нимъ въ домъ часто заходили сосѣди—мужики и бабы—поговорить, потому что старикъ былъ умный и добрый человѣкъ. Часто заходилъ и сынъ убогонькаго сосѣдняго помѣщика, жившаго верстахъ въ восьми отъ нихъ за рѣчкой, и всегда по долгу просиживалъ. Больше она не припомнила посѣтителей.

Изъ разспросовъ сосѣдей объ убогонькомъ помѣщикѣ выяснилось, что это мелкопомѣстный дворянинъ Иванъ Вороновъ, который имѣетъ двухъ сыновей и дочь. Старшій сынъ лѣтъ 25-ти, малограмотный; долго шлялся по Кавказу и другимъ мѣстамъ, теперь-же живетъ у отца и занимается сапожничествомъ. Семья эта живетъ чрезвычайно бѣдно и хозяйствомъ почти не занимается. Посторонніе люди подтвердили показанія старухи, что сынъ Воронова, дѣйствительно, часто бывалъ у убитаго старика.

О старикѣ сказали, что онъ слылъ за богатого человѣка, и имѣлъ деньги, которыя всегда носилъ при себѣ. Сообразивъ, что этому кавказцу у убитаго крестьянина нечего было дѣлать ни по положенію, ни по какимъ либо общимъ интересамъ, я заподозрилъ его и, взявъ понятыхъ, поѣхалъ къ Вороновымъ. По прїѣздѣ къ нимъ, во дворѣ я засталъ младшаго сына Воронова, мальчика лѣтъ 15-ти. Подозвавъ его къ себѣ, я началъ разспрашивать, но онъ былъ

блѣденъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Несомнѣнно было, что тутъ что-то не ладно. Я его сдалъ десятскому, а самъ съ понятыми отправился въ избу. Въ избѣ была бѣдность ужасная; въ ней сидѣлъ старшій сынъ Воронова Николай и шилъ простые сапоги. При моемъ появленіи онъ замѣтно взволновался и поблѣднѣлъ. Когда я осматривалъ его руки, онѣ дрожали. При разспросахъ старика Воронова о томъ, отлучался—ли сынъ его куда-либо въ эту ночь, онъ утверждалъ, что Николай никуда не отлучался, что онъ не совсѣмъ здоровъ, все утро проспалъ и только что всталъ съ постели. Самъ Николай сказалъ, что дѣйствительно онъ уже нѣсколько дней не выходитъ изъ дому и всю послѣднюю ночь провелъ дома, такъ какъ ему нездоровится.

Видя, что тутъ ничего не добьешься, я оставилъ десятскаго съ понятыми у Воронова смотрѣть за ними, а самъ, взявши младшаго сына Петра, отправился къ сосѣдному помѣщику Гапоненко и тамъ началъ разспрашивать. Хотя Петръ немного оправился, но таки въ немъ было замѣтно волненіе и страхъ. Долго пришлось его уговаривать и увѣщевать, чтобы онъ сознался; я объявилъ ему, что братъ его уже сознался, но я хочу еще и отъ него слышать, какъ было дѣло. Тогда онъ въ присутствіи Гапоненко разсказалъ слѣдующее: еще наканунѣ происшествія братъ его водилъ въ степь и говорилъ, что въ эту ночь

онъ его возьметъ къ старику Грицаю, что ему тамъ нужно взять сѣмона для баштана и что, когда онъ будетъ идти, то разбудить его. Дѣйствительно, ночью Николай разбудилъ его и они степью и въ бродъ черезъ рѣку, а потомъ черезъ огородъ, пришли къ избѣ Грицаю; Николай оставилъ его у воротъ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы никто не пришелъ, а самъ постучалъ въ окно. Что тамъ происходило—онъ не видѣлъ и не знаетъ, но слышалъ скрипъ отворяющейся двери въ избѣ и вслѣдъ затѣмъ вскрикъ старика.

Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ братъ вернулся къ нему, и они ушли домой тѣмъ же путемъ. По возвращеніи домой такъ какъ у нихъ было бѣлье мокрое отъ перехода черезъ рѣчку, то они зашли въ свою клуню и тамъ переодѣлись въ приготовленное заранѣе бѣлье. Онъ изъ клуни вышелъ раньше, а затѣмъ его братъ и они отправились въ домъ спать. Въ домѣ отецъ и сестра спали. Что случилось со старикомъ Грицаемъ,—онъ не знаетъ, но помнитъ, что когда они проходили мимо избы, то тамъ слышался крикъ. Петра я оставилъ подъ присмотромъ у Гапо-ненка, а самъ опять возвратился къ Вороновымъ и обыскалъ Николая Воронова, но ничего не нашелъ. Затѣмъ я зашелъ съ понатыми въ клуню, гдѣ нашелъ двѣ пары мокраго нижняго бѣлья и спрятанный въ солому кровли полотняный свертокъ, въ

которомъ оказался карманъ, отрѣзанный отъ холщевыхъ штановъ, и въ немъ 275 руб. денегъ разными кредитными билетами. Николай Вороновъ сознался во всемъ и вмѣстѣ съ братомъ былъ переданъ суду.

Послѣ этого спустя мѣсяца два—три, я былъ въ клубѣ и засидѣлся съ компаніей почти до разсвѣта. Передъ моимъ уходомъ изъ клуба, прибѣжалъ ко мнѣ крестьянинъ изъ предмѣстья Рыма съ заявленіемъ, что живущую по сосѣдству, съ нимъ старуху дворянку Саржеву, въ эту ночь душили и ограбили. Такъ какъ это было верстахъ въ трехъ отъ города, то я крестьянина отпустилъ, сказавъ, что сейчасъ приѣду, а самъ отправился на станцію, приказалъ запрячь въ перекладную лошадей и, взявъ съ собою двухъ десятскихъ, отправился на мѣсто происшествія. Приѣхалъ я, когда совсѣмъ разсвѣло. Саржевой уже не было дома; она какъ мнѣ сказали, ушла къ сосѣдямъ. Я пригласилъ ее въ домъ и приступилъ къ разспросамъ, при чемъ она рассказала слѣдующее.

Нѣсколько дней тому назадъ мужъ ея отправился въ Кіевъ на богомолье. Оставшись одна, она была совершенно покойна, такъ какъ никогда раньше, до этого происшествія, съ нею не случалось ни воровства, ни грабежа. Такъ и наканунѣ съ вечера, поужинавъ и помолившись Богу, она спокойно легла спать.

Въ домѣ, кромѣ нея, никого не было, такъ какъ она жила безъ прислуги. Около полуночи, она ушла въ комнатѣ, гдѣ спала, шумъ и только что хотѣла зажечь свѣчу, какъ кто-то схватилъ ее за руки и повалилъ на кровать. Другой человѣкъ завязалъ ей глаза. Въ такомъ положеніи одинъ человѣкъ держалъ ее на кровати и иногда давилъ ей горло, пытая, гдѣ спрятаны деньги. Денегъ у нихъ много не было: въ комодѣ находилось всего 50 рублей кредитными билетами, да въ запертомъ ящикѣ столика, что стоялъ въ углу съ образами находилось около 100 рублей медью и серебромъ. Вслѣдствіе того, что ее душили, требуя денегъ, она сказала имъ все и отдала ключи. Въ этомъ положеніи она пробыла часа два, затѣмъ ее оставили. По уходѣ грабителей Саржева развязала глаза и еще долго оставалась одна въ домѣ, пока не начало свѣтать. Съ разсвѣтомъ она пошла къ сосѣдямъ. Въ домѣ какъ оказалось, все было забрано, комодъ и сундукъ открыты, окно и двери отворены. Кто душилъ и ограбилъ ее она не знаетъ и подозрѣній ни на кого не заявила.

Пригласивъ понятыхъ, я приступилъ къ осмотру дома и нашелъ, что въ окнѣ было вынуто стекло; значитъ преступники проникли въ домъ черезъ отворенное снаружи окно. Домъ Саржевой состоялъ изъ двухъ комнатъ и кладовой. Первые были отдѣ-

лены отъ кладовой сквозными сѣнями. Всѣ двери были отворены; нѣсколько ключей, связанныхъ ленточкой лежали посреди комнаты на полу; сундукъ, комоды и ящики были открыты и пусты: все въ нихъ находящееся было забрано. Всего денегъ, платья и бѣлья—взято было больше чѣмъ на 800 рублей. У Саржевой на шеѣ вокругъ горла видна была сильная опухоль, и голосъ у нея хрипѣлъ. Никакихъ вещественныхъ доказательствъ, уличающихъ преступниковъ, въ домѣ не найдено. При осмотрѣ двора, была найдена у порога мѣдная солдатская пуговица, Саржева заявила что таковой пуговицы между ея вещами не могло быть.

При разспросахъ сосѣдей и Саржевой о томъ, не посѣщалъ ли ея кто нибудь и не видѣли ли сосѣди вблизи дома Саржевыхъ кого-либо, узнать ничего не удалось, потому, что ничего и никто не видѣлъ. Мнѣ извѣстно было, во многихъ открытыхъ въ Верхнеднѣпровскѣ, кражахъ, въ извѣстной степени часто бывалъ замѣшанъ богатый крестьянинъ Чабанъ, живущій противъ дома Саржевой, хотя достаточныхъ уликъ противъ него никогда не было. На этотъ разъ я тотчасъ же обратился къ нему и произвелъ строжайшій обыскъ, какъ въ домѣ, такъ и во дворѣ и въ саду но ничего не нашелъ. Тогда я отправился въ кабаки находящіеся вблизи мѣста происшествія, и въ одномъ изъ нихъ узналъ, что дня за два передъ этой

ночью заходилъ какой то солдатъ въ шинели и крестьянинъ Чабанъ. Первый изъ нихъ заплатилъ за свои заложенные мѣсяцъ тому назадъ сапоги 2 р. Затѣмъ они взяли полкварты водки и ушли; въ шинкѣ водки не пили. Послѣ такого показанія сврея — шинкаря, я опять возвратился къ Чабану и допросилъ его о томъ былъ ли онъ въ шинкѣ и съ какимъ солдатомъ. Онъ рѣшительно отрицалъ это, увѣряя, что никогда ничего подобнаго не было. Не довѣряя Чабану, я его арестовалъ и опять зашелъ къ Саржевой, вновь осмотрѣлъ домъ, дворъ и садъ и въ саду на берегу высохшей рѣчки нашелъ кусокъ холста. аршинъ 25 который Саржева признала за свой. Тогда я перешелъ рѣку и началъ осматривать стоявшія тутъ копны хлѣба. Въ нихъ я нашелъ всѣ ограбленныя вещи, за исключеніемъ немногихъ, а именно: небыло куска холста и теплаго пальто ея мужа. Не смотря на отрицанія крестьянина Чабана, и придавая серьезное значеніе шинкаря, я рѣшился отправиться къ командиру Феодосійскаго полка, расположеннаго въ Верхнеднѣпровскѣ, съ просьбой дать мнѣ свѣдѣнія о штрафованныхъ солдатахъ и командировать со мной офицера для производства у нихъ обыска и отысканія того солдата, который выкупилъ въ шинкѣ сапоги, и который былъ подробно описанъ шинкаремъ. На другой день утромъ ко мнѣ явился офицеръ со свѣдѣніями о штрафованныхъ солдатахъ. Такъ, какъ

вторая рота расположена была недалеко отъ дома Саржевой то, взявъ еще фельдфебеля II-й роты, который зналъ квартиры всѣхъ солдатъ, мы отправились въ расположеніе II-й роты. Штрафованныхъ въ ней было три человека, и мы начали съ нихъ обыски и допросы о томъ, гдѣ они находились въ ночь происшествія. У первыхъ двухъ, совершенно неподходящихъ къ описаннымъ примѣтамъ, мы нигдѣ ничего не отыскали, и они вполнѣ доказали, гдѣ были въ ночь происшествія. Третьяго, ближайшаго къ мѣсту происшествія, мы не застали дома: онъ былъ по назначенію на службу. По описанію хозяина дома этотъ солдатъ былъ схожъ съ примѣтами, переданными шинкаремъ, вслѣдствіе чего я сдѣлалъ болѣе тщательный обыскъ въ его квартирѣ и въ саду. Здѣсь, за погребомъ, я замѣтилъ свѣже нарушенную землю, велѣлъ раскопать ее и въ небольшой ямѣ, заложеной досщечками, нашелъ завернутое въ кусокъ полотна пальто, мѣдныя и серебряныя деньги и 10 рублевую кредитку, всего денегъ тамъ было 37 рублей. Въ тоже время посланъ былъ фельдфебель за этимъ солдатомъ, который скоро былъ доставленъ на квартиру. Оказалось, что онъ совершенно подходилъ къ описаннымъ примѣтамъ; при томъ у него какъ разъ не доставало одной пуговицы. Солдатъ этотъ, по фамиліи Синеруковъ, былъ допрошенъ, но въ преступленіи не сознавался, и былъ отправленъ офицеромъ

на военную гауптвахту. Тамъ объявили ему, что Чабанъ во всемъ сознался, вещи и деньги всѣ найдены. Тогда Синеруковъ повинился и объявилъ, что онъ подговоренъ былъ на это преступленіе Чабаномъ и, что всѣ деньги и вещи послѣдній взялъ себѣ, а ему досталось только то, что было найдено у него. Кромѣ ихъ двухъ никого небыло; онъ все время держалъ старуху, а Чабанъ укладывалъ и выносилъ вещи, а ужъ послѣдній узелъ онъ несъ самъ и въ это время, вѣроятно, оборвалъ пуговицу. Чабанъ все таки не сознался, но оба были преданы суду и сосланы въ каторжные работы.

Вскорѣ послѣ этого, а именно въ концѣ Ноября 1870 года, я былъ назначенъ становымъ приставомъ 2-го стана Верхнеднѣпровскаго уѣзда, куда въ началѣ Декабря и переѣхалъ.

Здѣсь я, прежде всего нагналъ и арестовалъ виновныхъ въ кражѣ лошадей у помѣщика Бродскаго: одни увели заводского жеребца, а другіе—пару рабочихъ лошадей съ хомутами и упряжью. Первыхъ я поймалъ въ Кривомъ-рогѣ, а вторыхъ въ Александрійскомъ уѣздѣ въ селѣ Зыбномъ. Потомъ я открылъ виновнаго въ поджогѣ собственнаго дома въ с. Саксагани. Вотъ подробности этого дѣла. Въ Саксаганской волости былъ старшиною крестьянинъ Недоумокъ, пользовавшійся у Верхнеднѣпровской аристократіи

большимъ почетомъ. Служилъ онъ старшиною третье трехлѣтіе и слылъ за богатаго человѣка. Къ нему заѣзжали даже мировые посредники и члены земской управы. Въ Саксагани у него было два дома; въ одномъ, который былъ попроще, жилъ онъ самъ съ семьей, а въ другомъ, очень порядочномъ для деревни, жили квартиранты. Недоумокъ былъ человѣкъ умный и ловкій. Подъ защитой сильныхъ міра сего обдѣлывалъ хорошія дѣла въ свою пользу, такъ, что имѣлъ уже свою землю. Домъ, въ которомъ онъ жилъ самъ, не страховался, другой же былъ застрахованъ чуть ли не вдвое противъ стоимости. Но Недоумокъ не долго платилъ дорогую страховую премію; на третій годъ страхованія этотъ домъ сгорѣлъ со всѣми надворными постройками. Пожаръ произошелъ осенью, часовъ около 9 вечера, такъ, что много народу еще не спало. Я немедленно прибылъ на мѣсто пожара. Загорѣлась ближайшая къ дому постройка, наполненная горючимъ матеріаломъ: дровами, старыми кадками и щепками; горѣло сильно, и при прежнихъ пожарныхъ деревенскихъ средствахъ отстоять дома и другихъ построекъ небыло никакой возможности. Спасли только имущество жильцовъ, причѣмъ много было разговоровъ, и между прочимъ, слышались замѣчанія, что страховка велика—самъ поджегъ. Вслѣдствіе этого я отправился къ постройкѣ, съ которой начался пожаръ и которая, какъ деревянная,

сгорѣла до тла. Я началъ осматривать мѣстность и напелъ невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ загорѣлось прежде всего, шерстяную рукавицу, которую и спряталъ. На другой день рано утромъ я отправился на мѣсто происшествія для производства разслѣдованія. Жившіе въ сгорѣвшемъ домѣ квартиранты показали въ одинъ голосъ, что пожаръ произошелъ отъ поджога, и что выгоднѣе всего это хозяину, такъ какъ страховка дома, говорятъ, очень дорога. Послѣ разспросовъ я взялъ нѣсколько крестьянъ и отправился на пепелище и дальше въ садъ по направленію къ перелазу съ улицы, гдѣ у самого перелаза, нашелъ двѣ щепки, обмокнутыя концами въ сѣру отколотыя, какъ видно, отъ старой безымянки и нѣсколько простыхъ сѣрниковъ (фосфорныхъ спичекъ). Руководствуясь толками о дорогой страховкѣ, я въ тоже время съ понятыми отправился въ домъ хозяина сгорѣвшаго дома Недоумка и произвелъ обыскъ.

Въ пальто, принадлежащемъ хозяину я нашелъ одну перчатку, парную къ той, которую я поднялъ наканунѣ на мѣстѣ предполагаемаго поджога; затѣмъ въ кухнѣ, въ печуркѣ оказались сѣрники, одного размѣра и одного дерева съ найденными мной, и тутъ же въ кухнѣ валялись такіе щепки, наколотыя изъ безымянки для самовара. Во дворѣ, между разными досками и безымянками изъ разобраннаго стараго фронтона я нашелъ и ту, отъ которой были от-

щеплены поднятыя мною щепки. Изъ потребованнаго полиса я увидѣлъ явственно, что страховка далеко превышала сумму стоимости построекъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ и спутанныхъ показаній самого Недоумка относительно найденныхъ мною вещественныхъ доказательствъ, онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемаго. На судъ я небылъ вызванъ, а потомъ узналъ, что Недоумокъ былъ оправданъ, но за то и старшиною уже больше не былъ.

На второй день новаго 1871 года передъ вечеромъ я получилъ черезъ нарочнаго отъ исправника предписаніе, въ которомъ онъ сообщалъ, что завтрашняго числа утромъ онъ вмѣстѣ съ мировымъ посредникомъ Шелаевымъ приѣдетъ въ село Комисаровку,—бывшее военное поселеніе, гдѣ народъ бунтуетъ противъ посредника, и требовалъ меня туда. Я немедленно отправился въ село Комисаровку вызвалъ старшину и распорядился, чтобы завтра къ 10-ти часамъ утра былъ собранъ полный сходъ. Отъ старшины я узналъ, что крестьяне отвергли распоряженіе мирового посредника, основанное на Высочайшемъ повелѣніи о надѣленіи ихъ подворно, и самого исправника, приѣхавшаго въ Комисаровку, приняли совсѣмъ не дружелюбно. Такому настроенію крестьянъ содѣйствовалъ распространившійся между ними слухъ, что если они раздѣлятся подворно, то полевою зем-

лю отъ нихъ отберуть.

На ночь я остановился у священника, котораго попросилъ отслужить завтра литургію, по раньше до прїѣзда исправника и, сказать народу рѣчь въ духѣ повиновенія начальству; а командира расположенной въ Комисаровкѣ ротѣ Феодосійскаго полка просилъ, чтобы послѣ обѣдни онъ въ виду крестьянъ, собравшихся на сельскій сходъ, сдѣлалъ ротѣ ученіе. Я полагалъ, что и то и другое можетъ подѣйствовать на крестьянъ, собравшихся на сельскій сходъ, въ умиротворительномъ духѣ и, дѣйствительно я не ошибся. Когда послѣ литургіи, я пришелъ на сходъ, крестьяне были почтительны и объявили, что они не то, чтобы не согласны были принять предложеніе посредника, но не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Старшина-де не умѣетъ ничего толкомъ объяснить, а посредникъ едва прїѣхалъ, какъ сейчасъ началъ кричать, сердиться и, не объяснивъ ничего, уѣхалъ. Исправника съ посредникомъ сходъ встрѣтилъ почти-тельно, и по разъясненію крестьянамъ ихъ дѣла, они охотно приняли распоряженіе правительства и въ знакъ благодарности со схода пошли въ церковь, гдѣ было отслужено благодарственное молебствіе о здравіи **Ихъ Императорскихъ Величествъ**. Послѣ молебна была открыта, по желанію народа, подписка на икону Александра Невскаго и собрано около 600 рублей.

Моими распоряженіями и исходомъ дѣла крестьянъ исправникъ остался очень доволенъ.

Въ началѣ весны того же года былъ я на ярмаркѣ въ м. Алферовкѣ, гдѣ остановился у полковника Аркадія Петровича Чебарева, большого хлѣбосола и чрезвычайно простого человѣка. Ярмарка была огромная и помѣщиковъ съѣхалось на ярмарку очень много. Всѣ они обѣдали и ночевали у Чебарева. Ярмарка продолжалась три дня. Разъ за обѣдомъ собралось у него очень много помѣщиковъ и большинство изъ нихъ были самые вліятельные. Къ концу обѣда разговорились о разнаго рода происшествіяхъ и преступленіяхъ. Между прочимъ одинъ изъ нихъ передалъ ходившіе упорные слухи о томъ, что дочь помѣщицы Марьи Старохацкой уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ исчезла изъ дома, и ни кто не знаетъ, гдѣ она въ настоящее время находится. Такъ, какъ она богатая наслѣдница еще бабушкинаго достоянія, то братья ея Иванъ и Петръ будто-бы спроводили ее неизвѣстно куда, а можетъ быть даже отправили на тотъ свѣтъ. Тогда всѣ помѣщики обратились ко мнѣ и сказали, что на это обстоятельство нужно обратить вниманіе и провѣрить молву. Госпожу Старохацкую я лично зналъ, она имѣла въ 5-ти верстахъ отъ м. Иваново помѣстье въ 5 тысячъ десятинъ земли, слыла же женщину, богатую налич-

ными деньгами и, имѣла трехъ сыновей: Николая женатаго и холостыхъ Ивана и Петра. Кромѣ изчезнувшей дочери Екатерины у нея было еще двѣ дочери замужемъ; одна за штабсъ-ротмистромъ Вашнымъ, а другая за дворяниномъ Вѣлинькимъ. Обѣ онѣ уже были совершенно выдѣлены при выходѣ замужъ. Слышно было, что Николай и Иванъ ужасно ображаются съ братомъ Петромъ, которому не дано было никакого образованія.

Выслушавъ и сообразивъ все это, я немедленно поѣхалъ къ г. Старохацкой. Черезъ прислугу и жену управляющаго я узналъ, что никто въ домѣ, да же сама мать, не знаетъ, гдѣ ея дочь Екатерина, отсутствующая болѣе двухъ лѣтъ, и что часто по этому поводу бываютъ исторіи и семейныя непріятности между матерью и сыномъ Иваномъ. Не знали также объ участи Екатерины ни братъ Петръ ни сестра Вашна. Убѣдившись въ такомъ фактѣ, я отправился въ г. Верхнеднѣпровскъ и явился къ исправнику, которому доложилъ, что хочу серьезно приступить къ разслѣдованію этого дѣла. Исправникъ мнѣ отвѣтилъ:

— „Смотрите, будьте осторожны, это люди злобные и богатые; они Васъ могутъ уничтожить“.

Потомъ, видя мое неуклонное желаніе начать дѣло, онъ добавилъ:

— „Впрочемъ, я Вамъ совѣтую поѣхать въ Екатери-

пославъ и по моему приказанію доложить Губернатору.

На другой день я уѣхалъ въ Екатеринославъ и представился Губернатору. Губернаторъ, Дунинъ-Барковский, выслушавъ мой докладъ, много разспрашивалъ по этому дѣлу и, наконецъ, задалъ такой вопросъ:

— „Такъ вы убѣждены, что здѣсь есть преступленіе?“

Я отвѣтилъ утвердительно.

— „Хорошо,—сказалъ онъ:—приходите-же сегодня ко мнѣ въ 8 часовъ вечера.

Вечеромъ я аккуратно явился въ 8 часовъ и сейчасъ же былъ принятъ въ кабинетъ, гдѣ засталъ и прокурора Екатеринославскаго окружного суда Тисона. Они приказали мнѣ произвести самое тщательное негласное дознаніе и о ходѣ его доносить въ пакетахъ съ надписью „въ собственныя руки, секретно“. Возвратившись въ Верхнеднѣпровскъ, я рассказалъ все исправнику и затѣмъ отправился домой. Начертавъ планъ дѣйствій, я немедленно приступилъ къ его выполненію. Прежде всего я постарался сблизиться съ семьей управляющаго имѣніемъ г. Старохацкой. Семья его жила въ имѣніи болѣе 20-ти лѣтъ, и самъ управляющій, нѣмецъ, былъ очень близокъ къ владѣлицѣ. Отъ жены его я узналъ слѣдующее: Екатерина Ивановна воспитывалась въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; по наслѣству отъ бабки

своей она, какъ любимица ея, получила на свое имя имѣніе въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, въ 3 тысячи десятинъ, въ Одесскій банкъ на ея имя были положены въ 1848 году 50 тысячъ рублей. Она очень хорошо окончила институтъ пріѣхала изъ Одессы веселая и здоровая и еще въ теченіи двухъ лѣтъ была здорова, но затѣмъ стала болѣть, начались съ ней истерическіе припадки. Она часто жаловалась на ужасную жизнь въ домѣ, на страшныя угнетенія со стороны братьевъ, Николая и Ивана, на то, что ее грабятъ, заставляютъ подписывать какія-то бумаги, а если она не соглашается подписывать, то выкручиваютъ ей лѣвую руку. до тѣхъ поръ, пока она не подпишетъ. Жаловаться никому она не могла, потому что братья никуда изъ дому ее не пускали и никого у себя не принимали. У нея случались женихи, но когда они пріѣзжали свататься, братья съ грубостью выпроваживали ихъ, не допуская до нея. Наконецъ, ее перевезли въ Екатеринославское имѣніе, гдѣ она прожила нѣсколько мѣсяцевъ совершенно одна, а потомъ и совсѣмъ исчезла. Нѣсколькихъ жениховъ жена управляющаго назвала мнѣ пофамиліи. Изъ нихъ три человѣка, отставной подполковникъ Шамраевъ, и землевладѣльцы Осташко и Задубный, были мною спрошены и сообщили, что дѣйствительно, каждый изъ нихъ въ отдѣльности посѣщалъ госпожу Старохацкую, но дѣвицы Екатерины Ивановны Старохац-

кой имъ не показывали, отговариваясь ея болѣзнью, и что ея братья чрезвычайно недоброжелательно отнеслись къ нимъ. О настоящемъ мѣстопребываніи Екатерины Ивановны ни прежняя ни настоящая прислуга ни крестьяне въ деревнѣ, ни родныя сестры, ни зять ничего не знали. Прислуга указывала, что барышня уѣхала въ Екатеринославское имѣніе. Поѣхалъ я туда, и узналъ слѣдующее.

Дѣйствительно, года полтора тому назадъ она была здѣсь, но потомъ пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ Старохацкій и увезъ ее будто-бы домой. Взяли же ее изъ этого имѣнія потому, что она никуда не выѣзжая изъ деревни, и никого не видя у себя, познакомилась съ конторщикомъ, часто съ нимъ гуляла по саду, да и въ домъ онъ къ ней заходилъ. Поговаривали, что онъ хотѣлъ на ней жениться. Но тутъ пріѣхалъ братъ, прогналъ конторщика и увезъ барышню. Молва гласила, что имѣніе въ Екатеринославскомъ уѣздѣ было уже не Екатерины Ивановны, а братьевъ Николая и Ивана Старохацкихъ, а также и деньги, находившіеся въ Одесскомъ банкѣ, и принадлежавшіе Екатеринѣ Ивановнѣ взяты братьями.

Скомбинировавъ все это въ протоколѣ, я лично представилъ его прокурору и доложилъ о томъ губернатору. Какъ ни тайно было сообщено это дѣло прокурору, однако, не успѣлъ онъ еще передать его слѣдователю, какъ уже была задержана телеграмма

отъ Николая Старохацкаго къ брату Ивану въ Москву, такого содержанія: „Братъ, устрой все хорошо; уже зашевелились“. Вслѣдствіе этого немедленно отправился въ Москву судебный слѣдователь Погромовъ, и тамъ розыскалъ Екатерину Ивановну. Оказалось, что ее держали неотлучно въ одной комнатѣ она не мылась и не одѣвалась; въ волосахъ на головѣ развелось множество насѣкомыхъ; она находилась почти въ состояніи идиотизма. До этого же заточенія она около 8 мѣсяцевъ содержалась въ сумасшедшемъ домѣ въ Москвѣ, но тамъ больше не хотѣли ее держать, такъ какъ находили что она вовсе не больна психически. Оба брата Старохацкіе были арестованы и заключены въ тюрьму: одинъ въ г. Новомосковскѣ, а другой—въ Верхнеднѣпровскѣ.

Дѣло это продолжалось 6 лѣтъ. Каждый разъ вызывали на судъ, но иной разъ совсѣмъ не было разбирательства, а иной разъ при оправдательномъ вердиктѣ присяжныхъ, прокуроры протестовали и, дѣло опять назначалось къ слушанію. Въ 1876 году я былъ уже помощникомъ Ростовскаго уѣзднаго исправника. Въ это время ко мнѣ явился изъ Верхнеднѣпровска отъ Старохацкихъ еврей Гендель, съ разными предложеніями насчетъ ихъ дѣла; но я слушать объ этомъ не хотѣлъ и еврея прогналъ. Между тѣмъ дѣло ихъ было назначено къ разбору въ томъ году на 5-е—Ноября. По случаю войны съ Турціей

на это время былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію, призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, и меня на разборъ дѣла начальство не пустило. Это былъ послѣдній разборъ означеннаго дѣла; на судѣ не было ни меня, ни судебного слѣдователя Погромава, главныхъ свидѣтелей. Многіе свидѣтели перемѣнили свое показаніе, и Старохацкіе были оправданы; прокуратура больше не протестовала.

Всѣ 6 разъ защищали Старохацкихъ адвокатъ изъ Одессы Григорьевъ и знаменитый Плевело. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ Плевело Старохацкими, послѣдніе удивлялись краснорѣчію его.

Онъ на это отвѣтилъ:

— „Вотъ бы вы послушали мое краснорѣчіе, когда бы я сталъ обвинять Васъ. А это, пустое, слишкомъ мало было матеріала для вашей защиты“.....

Во время производства слѣдствія по этому дѣлу Погровымъ, подъ руководствомъ прокурора Лошадикина, Старохацкіе жаловались прокурору судебной палаты Орликову на пристрастное веденіе слѣдствія и притѣсненія. Орликовъ самъ пріѣзжалъ въ Верхнеднѣпровскъ и разсматривалъ слѣдствіе. Онъ вызывалъ меня лично, благодарилъ за произведенное дознаніе и понесенные мною труды по этому дѣлу и обѣщалъ хлопотать передъ начальствомъ о моемъ повышеніи. И, дѣйствительно, черезъ 7 мѣсяцевъ въ Мартѣ 1872 года я былъ назначенъ помощникомъ

исправника въ Ростовъ н/д. Слѣдователь Погромовъ получилъ Станислава 2-й степени и затѣмъ скоро былъ назначенъ членомъ Одесскаго Окружнаго Суда.

Во все время службы моей приставомъ 2-го стана Верхнеднѣпровскаго уѣзда, я постоянно вызывался для раскрытія преступленій, по распоряженію исправника и прокуратуры, въ 1-й и 3-й станы того же уѣзда. Почти всегда, за малыми лишь исключеніями, разслѣдованія мои оканчивались успѣхомъ.

Помню, однажды я получилъ съ нарочнымъ предписаніе исправника немедленно прибыть въ Верхнеднѣпровскъ и явиться къ товарищу прокурора Лошадкину, а для чего—не было сказано. Я сейчас же собрался, поѣхалъ и узналъ отъ Лошадкина, что въ почтовомъ отдѣленіи въ Куцеголовкѣ обворованъ сундукъ, въ которомъ находилось денегъ на сумму болѣе 5 тысячъ рублей.

Такъ, какъ слѣдователь въ то время былъ боленъ и на мѣсто происшествія поѣхать не могъ, то товарищъ прокурора просилъ меня поѣхать въ Куцеголовку вмѣстѣ съ Верхнеднѣпровскимъ почмейстеромъ и разслѣдовать это преступленіе. Онъ обратилъ мое вниманіе на то, что если не будутъ отысканы деньги, то пострадаютъ многіе почтовые чиновники.

Какъ ни усталъ я отъ разныхъ поѣздокъ по

своему стану и производства дѣла въ 3-мъ станѣ, но нечего было дѣлать: пришлось поѣхать. Пообѣдавши у почмейстера, мы вмѣстѣ отправились въ Куцеволовку,—я въ качествѣ слѣдователя, а онъ—депутата отъ почтоваго вѣдомства. По приѣздѣ туда, мы застали на мѣстѣ начальника почтоваго отдѣленія, еще молодого и неженатаго человѣка, въ страшно угнетенномъ состояніи.

Также и еврей, служившій приказчикомъ почтовой станціи, былъ этимъ происшествіемъ сконфуженъ и перепуганъ,—все повторялъ, что теперь онъ пропалъ, потому что начальникъ почтового отдѣленія его подозрѣваетъ. Этотъ еврей былъ, повидимому чистосердеченъ.

Напившись чаю, я приступилъ къ дѣлу. Прежде всего я осмотрѣлъ комнату, въ которой помѣщалось почтовое отдѣленіе. Она находилась въ домѣ, гдѣ были другія комнаты—для приѣзжающихъ. На право изъ коридора были двѣ комнаты для проѣзжихъ, а на лѣво—почтовое отдѣленіе и за нимъ—комната начальника отдѣленія. Въ комнатѣ почтового отдѣленія стояли нѣсколько стульевъ, письменный столъ и большой, окованный желѣзомъ сундукъ, въ которомъ хранилась денежная корреспонденція. На полу валялись разорванные денежные конверты, съ письмами внутри. Всего оказалось 23 конверта. Денегъ въ нихъ небыло, сундукъ былъ разломанъ и кришка

его отбита. Я подумалъ, что съ сундукомъ много было возни, и что дѣло не обошлось безъ своего человека, хорошо знающаго домашніе порядки.

Хотя я и не заподозрилъ въ этомъ приказчика—еврея, но для отчетности совѣсти обыскалъ все—прежде всего у него, затѣмъ у ямщиковъ, во всемъ дворѣ станціи и въ комнатахъ для пріѣзжающихъ. При обыскѣ станціонной мастерской плотникъ замѣтилъ, что когда онъ утромъ, послѣ происшествія, зашелъ въ мастерскую, то въ ней не оказалось топора, который былъ имъ найденъ уже въ ямщицкой кухнѣ; но кто его вынесъ изъ мастерской никому на станціи не было извѣстно; кухарка отозвалась, что послѣ ужина изъ ямщиковъ никто въ кухню не заходилъ, да и она никуда до самаго разсвѣта не отлучалась. Это обстоятельство еще болѣе утвердило меня въ мысли, что преступленіе совершено человекомъ, живущимъ на станціи. Начальникъ отдѣленія объяснилъ, что передъ происшествіемъ, днемъ, онъ получилъ почту изъ Кременчуга, вскрылъ ее, записалъ всѣ денежные пакеты въ книгу и затѣмъ, уложивъ все въ сундукъ, отправился въ гости къ сосѣднему помѣщику, гдѣ и заночевалъ. Вернувшись на другой день утромъ, онъ увидѣлъ, что его обокрали. Но при этомъ все казенное и его личное имущество было цѣло; взяты были только деньги изъ присланныхъ денежных конвертовъ, а вырученные отъ принятія кор-

респонденціи 56 рублей, находившіеся въ сундукѣ, цѣлы. Передъ выѣздомъ онъ оставилъ почевать и смотрѣть за квартирой брата своего, юному лѣтъ 17-ти. Въ комнатѣ начальника отдѣленія всѣ окна и двери были цѣлы; дверной ключъ въ конторѣ былъ оторванъ и валялся тутъ же на полу. Относительно брата онъ сказалъ, что юноша ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ, что взялъ онъ его къ себѣ, чтобы приучить къ службѣ и затѣмъ опредѣлить его на мѣсто, и живетъ онъ у него около 6-ти мѣсяцевъ. Этотъ братъ, Николай Павловъ, во время разспросовъ и обыска, избѣгалъ встрѣчи со мною, такъ что, не видя его, я не зналъ о его существованіи, пока не сказали.

На другой день послѣ моего приѣзда въ Куцеволовку, я допрашивалъ всѣхъ живущихъ на станціи, но ни къ какому результату не пришелъ. Преступленіе оставалось не открытымъ. Потомъ я вспомнилъ про Николая Павлова, позвалъ его и допросилъ. Онъ былъ довольно пріятной наружности, по виду скромный; когда я обратился къ нему съ просьбой рассказать все подробно, онъ слегка покраснѣлъ и, заикаясь, сталъ отвѣчать на мои вопросы. Черезъ нѣскольکو минутъ онъ совершенно оправился и рассказалъ слѣдующее. Съ вечера передъ происшествіемъ, по выѣздѣ брата, онъ пилъ чай у еврея, приказчика станціи, потомъ былъ въ комнатѣ проѣзжихъ; заперевъ снаружи висячимъ замкомъ дверь отдѣленія и

комнаты брата, гулялъ вблизи двора, часовъ около 9-ти вечера поужиналъ у еврея же и затѣмъ пошелъ спать. Такъ, какъ было рано, то онъ еще разъ ходилъ гулять около двора, часовъ въ 11, при чемъ квартиры не запиралъ на время своей отлучки. Придя домой и собираясь раздѣться, онъ хотѣлъ запереть дверь на крючекъ, но крючка у двери не оказалось: вывалившись онъ лежалъ на полу. Предполагая, что крючекъ выпалъ изъ двери отъ ветхости, самъ собой, и видя, что въ отдѣленіи все цѣло, онъ успокоился и легъ спать. Спалъ онъ очень крѣпко, а проснувшись, увидѣлъ, что сундукъ разбитъ и разорванные пакеты валяются на полу, о чемъ немедленно заявилъ приказчику и послалъ нарочнаго за братомъ.

Такое дѣтское объясненіе Павлова, сбивчивость его отвѣтовъ на мои вопросы и, наконецъ, невѣроятность столь крѣпкаго сна, чтобы не слышать, какъ разбиваютъ и ломаютъ сундукъ, навели меня на мысль что въ этомъ преступленіи дѣло не обошлось безъ его участія. Разъ задававшись такою мыслью, я уже началъ неотступно дѣйствовать на сердце и душу юноши, общалъ ему, что если послѣдуетъ съ его стороны сознаніе, то онъ, какъ молодой и даже несовершеннолѣтній, найдетъ заступниковъ во мнѣ и почмейстерѣ, и дѣло ограничится пустяками. Я подробно выяснилъ ему, какой страшной отвѣтственности

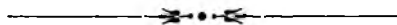
подвергаетъ онъ брата своего и другихъ должностныхъ лицъ. При этомъ братъ его, начальникъ отдѣленія, плакалъ и умолялъ его сознаться, такъ, ясно было, что разбить сундукъ безъ его участія—было невозможно.

Наконецъ, послѣ семичасоваго увѣщанія и слезъ брата, Николай Павловъ сознался и объявилъ, что онъ вынутыя изъ конвертовъ деньги всѣ уложилъ въ три бутылки, спряталъ ихъ на селѣ у одного крестьянина въ присѣбѣ (заваленкѣ), что въ этомъ преступленіи соучастниковъ у него не было, что топоръ изъ мастерской онъ взялъ самъ и такъ, какъ мастерская запиралась, то обратно положить не могъ и забросилъ его въ кухню, уже утромъ въ отсутствіе кухарки. Хотя въ это время уже была поздняя ночь, но я распорядился зажечь фонари и мы всѣ, съ компаніей и повинившимся отправились къ тому мѣсту, гдѣ были спрятаны деньги. Пройдя версты полторы отъ станціи на правой сторонѣ улицы мы подошли къ избѣ и, дѣйствительно, Николай Павловъ, поднявши немного доску присѣбы и раскопавъ землю, вынулъ три бутылки съ деньгами. По свѣркѣ найденныхъ суммъ съ книгой, записей, деньги оказались всѣ на лицо. Виновный былъ отправленъ въ тюрьму, а дѣло передано товарищу прокурора Лошадинову. За это дѣло я получилъ благодарность отъ прокурора и отъ почтоваго вѣдомства.

Не успѣвъ прожить и мѣсяца въ с. Саксагани и позаняться своими дѣлами, я получилъ отъ прокурора Екатеринославскаго окружного суда пакетъ, въ которомъ заключалось предписаніе, немедленно отправиться въ 3-й станъ Верхнедѣлѣвскаго уѣзда, въ имѣніе помѣщика Михаила Корболо и произвести разслѣдованіе о жестокомъ его обращеніи со своими дѣтьми. Въ предписаніи указывалось, что онъ и его сожительница, жена штабсъ-капитана Альмова, занимаются спиритизмомъ.

Вслѣдствіи этого я отправился въ принадлежащее Корболѣ имѣніе, гдѣ онъ жилъ. Найденныя тамъ 12 книгъ спиритическаго содержанія я конфисковалъ и по произведенному дознанію обнаружилъ, что Корболо, по наущенію своей сожительницы и „духа“ во время спиритическихъ сеансовъ, почти каждый день поролъ на конюшнѣ своихъ двухъ сыновей Николая и Сергѣя, рѣшительно безъ всякихъ поводовъ къ тому съ ихъ стороны. Такъ объяснили мнѣ служащіе въ экономіи кучера, горничныя, и нянька—старуха лѣтъ 50-ти. Самъ Корболо былъ человѣкъ лѣтъ за 50, свирѣпой наружности и жестокаго характера. Дознаніе мое было представлено прокурору, и для производства слѣдствія былъ назначенъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, который ѣздилъ со мною въ имѣніе Корболы и посадилъ подъ домашній арестъ его и Альмову. Слѣдователь поражался красотой

Альмовой. Дѣйствительно, она была блондинка, лѣтъ около 30-ти, была превосходно сложена и необыкновенно красива. Корболо не дождался суда, умеръ во время слѣдствія, а Альмову признали по результату слѣдствія не виновною, и дѣло было прекращено.

Послѣднимъ моимъ дѣломъ по должности пристава 2-го стана Верхнеднѣпровскаго уѣзда было то, что я попалъ на слѣдъ воровской шайки, которою руководили мѣщане землевладѣльцы Завядшіе, жившіе въ 3-мъ станѣ того же уѣзда. Но этого дѣла я не могъ окончить, такъ какъ меня вскорѣ назначили помощникомъ исправника въ Ростовскій н./д. уѣздъ, и я передалъ это дѣло своему преемнику приставу Суржко. Въ началѣ слѣдствія я написалъ судебному слѣдователю, что пока у меня имѣются лишь неопредѣленные смутныя данныя, я не буду сообщать ему результатовъ дознанія, буду вести дѣло осторожно, чтобы не потерять нити и не дать возможности воровской шайкѣ и ея вожакамъ скрыть свою связь. По окончаніи слѣдствія и собранія всѣхъ доказательствъ, я имѣлъ въ виду передать ему дѣло въ законченномъ видѣ. Но перейдя на новую должность я забылъ сообщить слѣдователю, что дѣло о шайкѣ, со многими уже положительными данными, передано моему преемнику. Изъ этого вышла цѣлая исторія, окружный судъ, вслѣдствіе донесенія слѣдователя

что дѣло о шайкѣ воровъ ему не передано, требовалъ отъ меня объясненіе и хотѣлъ было привлечь меня къ отвѣтственности за сокрытіе преступленія, но получивъ мое объясненіе и узнавъ, что инициаторъ дѣла былъ я, что оно передано слѣдователю только не мною, а моимъ преемникомъ Суржко, окружный судъ оставилъ заявленіе слѣдователя безъ послѣдствій.

По пріѣздѣ своемъ въ Ростовъ н./д. я засталъ уже тамъ исправника, назначеннаго вмѣстѣ со мною однимъ приказомъ. Это былъ человѣкъ молодой, 30 лѣтъ, по полицейской службѣ неопытный нетактичный, горячій; онъ прежде былъ учителемъ въ Комисаровскомъ училищѣ въ С. П. Б... началъ онъ съ того, что на основаніи сплетенъ сталъ выгонять старыхъ станowychъ и назначать приставами своихъ знакомыхъ. Прослужилъ онъ недолго: менѣе двухъ лѣтъ. Причиной этого было столкновеніе со становымъ приставомъ, его же любимцемъ имъ же назначеннымъ. Во время моей поѣздки по дѣламъ службы, это столкновеніе разрѣшилось тѣмъ, что названный приставъ оскорбилъ дѣйствіемъ исправника въ Полицейскомъ Управленіи. Хотя это было и неособенно важное событіе, потому что никто не застрахованъ отъ нападенія и удара какого-нибудь сумасшедшаго, но все таки изъ министерства было сдѣлано внушеніе Губернатору не держать на службѣ такого исправника.

На первых порахъ совмѣстной службы съ этимъ исправникомъ, испыталъ я нѣкоторыя непріятности. Помню хорошо, это было передъ праздникомъ Воскресенія Христова, въ страстной четвергъ. Мы оба были въ присутствіи Полицейскаго Управленія и уже собирались уходить потому, что было около двухъ часовъ дня, какъ вдругъ докладываютъ, что пришли крестьянинъ съ женою и дѣвочкою изъ Александровки (деревня эта отстоитъ отъ Ростова въ 100 верстахъ). Какъ ни досадно было, но нужно было выслушать жалобу. Позвали этихъ людей въ присутствіе и они рассказали слѣдующее. Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхали къ нимъ пять семействъ цыганъ—магометанъ и остановились шатрами около ихъ деревни; однажды утромъ отъ цыганъ прибѣжала на деревню эта дѣвочка, вся въ ранахъ и между прочимъ съ израненными пальцами на правой рукѣ. Когда крестьяне начали эту дѣвочку разспрашивать, то она сообщила имъ, что она не цыганка, знаетъ молитвы „Отче нашъ и Богородицу,“ умѣетъ креститься: что три года назадъ ее эти цыгане увезли, схвативъ ее въ станицѣ, гдѣ сгорѣла церковь (назвать станицу она не умѣла) и гдѣ она на площади съ другими дѣвочками играла. Обращаются съ ней цыгане ужасно: обмажутъ всю въ деготь и заставляютъ валяться въ горячей золѣ, а въ той золѣ часто попадаютъ горячіе угли, которые ее обжигаютъ; отъ этого все

ея тѣло въ язвахъ. Раны же на пальцахъ образовались отъ того, что ей жгли пальцы за то, что она крестилась и молилась Богу, вставши утромъ и ложась спать. Все, что она помнитъ изъ домашней жизни, это-то, что отца звали Семенъ—мать —Ульяной, а ее Лизой. У родителей ея былъ маленькій садикъ, а въ хатѣ много образовъ. Крестьяне съ дѣвочкой были у станового и слѣдователя, но ихъ жалобы не приняли, они рѣшились идти съ жалобой въ городъ. Исправникъ по неопытности, хотѣлъ тоже отказать, но я не могъ подчиниться такому рѣшенію и сказалъ, что нельзя же несчастнымъ людямъ, забившимся сюда за 100 верстъ, отказать въ правосудіи и, несмотря на неудовольствіе исправника, принялъ это дѣло къ производству: исправникъ сейчасъ же ушелъ домой.

Я немедленно послалъ за уѣзднымъ врачомъ, а самъ приступилъ къ допросу дѣвочки, которая подтвердила все, рассказанное крестьянами. Докторъ раны на тѣлѣ, (болѣе 16-ти) и на пальцахъ правой руки призналъ отъ обжога; много также было на тѣлѣ шрамовъ отъ зажившихъ ранъ. Онъ и сказалъ, что, дѣйствительно, по цвѣту кожи, дѣвочка не могла принадлежать къ цыганскому типу. Составили обо всемъ этомъ протоколъ, который подписалъ и докторъ, а дѣвочку отдалъ крестьянамъ впредь до окончанія дѣла, а всѣ по этому дѣлу бумаги для

производства слѣдствія отправилъ съ нарочнымъ слѣдователю, жившему въ п. Азовѣ. Разссалъ я также къ атаманамъ войскъ: Донского, Терскаго и Кубанскаго объявленія о розыскѣ дѣвочки, уворованной цыганами, а приставу 4-го стана Ростовскаго уѣзда предписалъ немедленно арестовать семью цыганъ, въ которой находилась дѣвочка, и прямо отъ себя отослать слѣдователю, сославшись на мое предписаніе и переписку.

На другой день отъ слѣдователя всю переписку о цыганахъ и дѣвочкѣ я получилъ обратно съ увѣдомленіемъ, что онъ изъ препровождаемаго мною ему протокола не усматриваетъ признаковъ преступленія, почему и не желаетъ приступать къ слѣдствію.

Понимая очень хорошо уголовные законы и видя въ этомъ дѣлѣ даже два преступленія: одно—сворачиваніе изъ православія, а другое—истязаніе—я, посовѣтовавшись съ товарищемъ прокурора, проживавшимъ въ Ростовѣ н./д. и вполне согласившимся съ моимъ мнѣніемъ, отправилъ свой протоколъ прокурору и донесъ обо всемъ Губернатору. Въ это время привели ко мнѣ семью цыганъ, состоявшую изъ 5-ти душъ, отъ принятія которыхъ слѣдователь отказался. Исправникъ торжествовалъ, что я, старый чиновникъ, такъ неумѣло взялся за такое дѣло. Правда, и мнѣ было непріятно—за такіе поступки слѣдователя; но нечего было дѣлать: я молчаливо перене-

силъ упреки исправника и былъ вполнѣ убѣжденъ, что дѣйствую правильно. По этому я составилъ постановленіе объ арестѣ семьи цыганъ при Ростовской городской кордегардіи до разъясненія этого дѣла прокуроромъ. Дней черезъ 10 я получилъ отъ прокурора увѣдомленіе, что мое дознаніе передано слѣдователю для немедленнаго производства слѣдствія. Дня черезъ 4 я получилъ отъ слѣдователя требованіе розыскать цыганъ и нрепроводить къ нему. Такъ какъ цыгане содержались у меня подѣ арестомъ, то мнѣ нечего было ихъ розыскивать; я сейчасъ же отправилъ ихъ къ слѣдователю и совершенно успокоился относительно этого дѣла.

Мѣсяцевъ черезъ 4—5, къ моему удивленію, вновь получается отъ слѣдователя бумага съ извѣщеніемъ, что дѣло о цыганахъ и дѣвочкѣ, за неимѣніемъ доказательствъ, онъ прекратилъ и отправилъ въ судъ на утвержденіе, а дѣвочку велѣлъ вручить цыганамъ. Когда я спросилъ слѣдователя, гдѣ же цыгане, то онъ отвѣчалъ, что еще за долго до окончанія слѣдствія онъ цыганъ отдалъ на поруки и отъ ареста освободилъ. Этимъ увѣдомленіемъ я былъ пораженъ, какъ громомъ. Что было дѣлать съ дѣвочкой и гдѣ искать цыганъ. Такъ какъ они были въ Таврической губерніи Карасубазарскаго уѣзда, то навѣрно туда и отправились. Я началъ розыскивать цыганъ и оказалось, что они дѣйствительно отправились на мѣсто

жительства. Написалъ я въ Карасубазарское Полицейское Управленіе отношеніе, которымъ требовалъ присылки цыганъ въ Ростовъ, для врученія имъ дѣвочки, признанной слѣдователемъ за ихъ дочь. Отъ полиціи получилось увѣдомленіе, что родители дѣвочки цыгане, въ Ростовъ пріѣхать не могутъ, за неимѣніемъ средствъ, и просятъ прислать ихъ дочь въ г. Карасубазаръ „на счетъ виновныхъ“. Положеніе было безвыходное: на отсылку дѣвочки въ Карасубазаръ своихъ средствъ я не имѣлъ, а на этапъ-ея не принимали по малолѣтству. Бумага слѣдователя лежала болѣе двухъ мѣсяцевъ не исполненною; столоначальникъ Полицейскаго Управленія неоднократно объ этомъ докладывалъ; исправникъ чрезвычайно былъ недоволенъ этимъ положеніемъ. Но я все оттягивалъ исполненіе требованія слѣдователя.

Уже не задолго передъ Рождествомъ, въ томъ же году, я пришелъ въ Полицейское Управленіе въ угнетенномъ состояніи и занимался текущими дѣлами. Мнѣ доложили, что меня спрашиваютъ козакъ и козачка. Приказываю впустить ихъ въ присутствіе и недоумѣваю; они бросились передо мной на колѣни и хватали мои руки чтобы цѣловать. Я спрашиваю въ чемъ дѣло, за что они благодарятъ. Наконецъ, выяснилось, что это—родители отнятой у цыганъ дѣвочки Лизы, явившіеся, по моей публикаціи, взять свою единственную дочь. Они были безконечно счаст-

ливы, что Господь услышалъ ихъ молитвы. Эти три года они исходили все святыя мѣста, розыскивали дитя и молились. И вотъ, наконецъ, Угодникъ Божій Тихонъ Задонскій услышалъ ихъ молитву. Едва они возвратились изъ Задонска, какъ станичный писарь объявилъ имъ, что ихъ дочь находится въ г. Ростовѣ у помощника исправника. И вотъ они съ документами отъ станичнаго начальства пришли за дочерью. Разсмотрѣвъ документы, я убѣдился, что они дѣйствительно родители несчастной дѣвочки, и тотчасъ послалъ нарочнаго въ д. Александровку за крестьянами, у которыхъ была дѣвочка, съ тѣмъ, чтобы ее привезли. На третій день къ вечеру она была привезена. И нужно было видѣть родителей и дѣвочку, въ моментѣ свиданія. Ни какое каменное сердце не осталось бы равнодушнымъ при видѣ этой сцены. Довольно было этого свиданія, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно родители и ихъ дочь; она узнала отца и мать, сразу бросилась на шею матери. Крестьяне у которыхъ была эта дѣвочка, также радовались счастью родителей и были чрезвычайно хорошо вознаграждены; за 7—8 мѣсячное содержаніе дѣвочки имъ дали 75 рублей.

Тогда я убѣдился, что „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ;“ этимъ я былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія. Дѣвочку съ соблюденіемъ требуемыхъ формальностей я пере-

далъ родителямъ, а составленный мною, по случаю явки родителей, актъ представилъ прокурору Таганрогскаго Окружнаго Суда. Прокуроръ возвратилъ это дѣло слѣдователю и, приказалъ вновь произвести слѣдствіе. Потомъ дѣло это разбиралось въ Окружномъ судѣ, и цыгане которые похитили дѣвочку, были осуждены на 5 лѣтъ въ каторжныя работы.

Въ бытность мою въ Ростовѣ на/д., въ уѣздѣ особенныхъ происшествій почти не было, такъ, что съ мелкими преступленіями управлялись сами пристава. За то на этомъ уѣздѣ числились крупныя недоимки, подати и выкупныя платежи, а также была распущенность и неблагоустройство на рыбныхъ промыслахъ и почти постоянно свирѣпствовала чума рогатаго скота и овецъ.

Послѣ молодого исправника Ливина у меня начальникомъ былъ исправникъ Турановъ, славившійся въ губерніи своимъ умомъ, тактичностью и знаніемъ полицейской службы, человѣкъ хотя и пожилой, но энергичный, а по натурѣ чрезвычайно мягкій и добрый. Однажды вечеромъ онъ попросилъ меня къ себѣ. Я полагалъ что онъ приглашаетъ меня провести у него вечеръ, но ошибся; никого изъ постороннихъ у него небыло. Напившись чаю, онъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и затѣялъ вообще разговоръ служебный. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что, объ-

ѣхавъ уѣздъ нашелъ его въ административномъ отношеніи изъ рукъ вонъ плохимъ; пристава бездѣятельные, почти не пользуются авторитетомъ въ своемъ станѣ, такъ какъ въ Полицейскомъ Управленіи въ сущности, работы мало, сказалъ онъ, то я васъ прошу обратить вниманіе прежде всего на недоимки, гигиеническія условія рыбныхъ промысловъ и чуму. Не все же вамъ быть помощникомъ, нужно думать и о должности исправника; такъ вотъ надо потрудиться и познакомиться со способами административнаго управленія уѣздами. Это очень важно, чтобы при управленіи уѣздомъ не быть въ зависимости отъ другихъ“. Тутъ онъ преподалъ мнѣ массу добрыхъ совѣтовъ и научилъ, какъ дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ управленія уѣздомъ. Разумѣется, я искренно поблагодарилъ его за егопожеланія и добрые совѣты, и обѣщалъ все сдѣлать не жалѣя своего - труда, чтобы привести уѣздъ въ порядокъ.

И вотъ я прежде всего обратилъ вниманіе на недоимки. Въ сущности, уѣздъ былъ не бѣдный; населеніе имѣла прекрасныя земли въ достаточномъ количествѣ, да и кромѣ того имѣлись у него богатѣйшіе рыбные промыслы. Но недоимки государственнаго и въ особенности земскаго сбора образовались отъ недостаточно дружнаго настоянія со стороны приставовъ. Со становыми приставами я объѣхалъ весь уѣздъ, въ каждомъ селеніи собиралъ сходы, внушалъ

крестьянамъ повиновеніе властямъ и разъяснялъ первѣйшую обязанность уплаты безпедомночно всѣхъ требуемыхъ съ нихъ платежей. Мѣстнымъ властямъ на сходахъ я выяснялъ ихъ обязанности и требовалъ отъ нихъ строгаго и неуклоннаго исполненія законовъ. Въ каждомъ селеніи въ каждой деревушкѣ я заключалъ свои разъясненія слѣдующими словами: Ну, теперь, крестьяне, вы не можете не знать, какъ нужно жить на свѣтѣ и какія обязанности лежатъ на васъ по отношенію къ обществу, государству и властямъ. Власти мѣстныя я предупредилъ, что съ настоящаго времени они, какъ ознакомленные съ своими обязанностями, должны энергично исполнять ихъ, а приставамъ приказалъ отъ имени исправника—энергично наблюдать за выполненіемъ всѣхъ моихъ распоряженій и, въ случаѣ недостаточной энергіи со стороны сельскихъ и волостныхъ властей въ исполненіи ихъ обязанностей, то исправникъ будетъ доносить обо всемъ до свѣденія Губернатора. Черезъ полъ года пристава и крестьянскіе власти сдѣлались неузнаваемы, все пошло прекрасно: сотскіе и десятскіе исполняли свои обязанности, постоянно дежурили при волостяхъ и сельскихъ правленіяхъ; въ волостяхъ перестали пить водку, арестанты сопровождались людьми трезвыми, общественные хлѣбные магазины перестали пустовать; текущіе платежи и недоимки стали пополняться. На рыбныхъ промыслахъ грязь

и вонь были уничтожены, улучшены пища и помѣщенія рабочихъ. Однимъ словомъ, вездѣ было замѣтно, что власти не бездѣйствуютъ.

Въ теченіи полугода о сельскихъ властяхъ пришлось писать непремѣнному члену по крестьянскимъ дѣламъ, но неособенно много, такъ что имъ было наказано должностныхъ лицъ не болѣе 10-ти человѣкъ, да вызваны были исправникомъ и посажены подъ арестъ человѣкъ пять сотскихъ и человѣкъ десять десятскихъ. Пристава дѣйствовали безукоризненно. Кое—гдѣ были со стороны крестьянскихъ обществъ не вполне удовлетворительные исполненія требованій властей, но въ такія мѣста немедленно отправлялся я одинъ или съ непремѣннымъ членомъ и все улаживалось прекрасно. Разъ случилось слѣдующее обстоятельство. На югѣ уѣзда, невдалекѣ отъ Азовскаго моря осенью въ полѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ саранча заложила свои яички. Осенью же это мѣсто было изслѣдовано и отмѣчено. Властямъ ближайшихъ деревень приказано было строжайше наблюдать весною за выходомъ саранчи и преподаны были мѣры уничтоженія ея. Но пришла весна, начала рождаться саранча, а населеніе не выполняло приказаній пристава и волостнаго старшины. Приставъ донесъ объ этомъ съ нарочнымъ исправнику, который на мѣсто для уничтоженія саранчи командировалъ меня. Земская управа отпустила мнѣ нѣсколько десятковъ рублей на по-

купку соломы, керосину и лозы для метелъ. Я зналъ, что населеніе недружелюбно относится къ распоряженію объ уничтоженіи саранчи: оно считаетъ саранчу наказаніемъ Божиємъ и принятіе противъ нея мѣръ — грѣхомъ. По этому я велѣлъ заблаговременно до прибытія своего на мѣсто, купить нѣсколько воровъ лозы для метелъ и прежде, чѣмъ отвезти ее на мѣсто уничтоженія саранчи, провести ее по тѣмъ селамъ и деревнямъ, съ которыхъ сдѣланъ нарядъ. Это мое распоряженіе имѣло самый благотѣльный результатъ; когда я съ приставомъ поѣхалъ на мѣсто, занятое саранчею, то народъ изъ сказанныхъ селъ и деревень былъ полностью тамъ, гдѣ требовалось. Видя такіе результаты своего распоряженія, я привѣтливо поздоровался съ народомъ и приступилъ къ уничтоженію саранчи. Изъ лозы были связаны метлы, и въ одинъ день мы совершенно уничтожили всю отродившуюся саранчу.

Мое распоряженіе на счетъ лозы осталось не безъ послѣдствій и въ другомъ смыслѣ. Жандармскій полковникъ, узнавъ, что я закупаю лозу, вообразилъ, что я хочу сѣчь пеповинующійся народъ, и донесъ объ этомъ шефу жандармовъ, а тотъ отписалъ Губернатору, а Губернаторъ предписалъ исправнику немедленно остановить мое распоряженіе о поркѣ крестьянъ, не вышедшихъ на работу. Это распоряженіе исправника я получилъ, на обратномъ пути уже въ

Ростовъ. Возвратившись домой, я немедленно явился къ исправнику, доложилъ что саранча вся уничтожена, и выразилъ крайнее удивленіе по поводу его распоряженія о приостановкѣ сѣченія крестьянъ. Я объяснилъ ему что и не думалъ ихъ сѣчь, а, дѣйствительно, лозу вслѣлъ повозить по тѣмъ деревнямъ и селеніямъ, жители которыхъ не желали выходить на работу по уничтоженію саранчи. Мое распоряженіе такъ подѣйствовало на крестьянъ, что они безъ всякаго приказанія со стороны мѣстнаго начальства всѣ поголовно пришли на мѣсто, занятое саранчею. Такъ было доложено и Губернатору, и мы съ исправникомъ вдоволь поохотали по этому поводу.

Въ 1875 году въ Полицейскомъ Управленіи было получено отъ Губернатора распоряженіе (вслѣдствіи предложенія прокурора судебной палаты) о томъ, чтобы провѣрить всѣхъ евреевъ, живущихъ по турецкимъ паспортамъ. Онъ предписывалъ выяснить дѣйствительно ли турецкіе поданные и тѣхъ, которые окажутся съ фальшивыми паспортами, арестовать и предавать суду. Распоряженіе это, разумѣется, прошло также, какъ и всѣ распоряженія по розыску разныхъ лицъ, начальство молчало—и мы молчали. Но вотъ, уже черезъ годъ послѣ предписанія Губернатора, получаю я записку отъ исправника съ приглашеніемъ сейчасъ же зайти къ нему по очень важ-

ному дѣлу. Прихожу, спрашиваю: въ чемъ дѣло? Исправникъ вручаетъ мнѣ прошеніе одного еврея, изъ котораго обнаруживается, что въ с. Новобатайскѣ Ростовскаго уѣзда одинъ изъ торговцевъ—евреевъ, проживающій по паспорту турецкаго подданнаго, есть виленскій мѣщанинъ, отданный въ рекруты въ 1863 году и бѣжавшій изъ полка. Онъ досталъ себѣ въ Кишиневѣ паспортъ турецкаго подданнаго и съ того времени проживаетъ въ с. Новобатайскѣ, а въ Турціи не бывалъ никогда. Теперь онъ такъ усердно эксплуатировалъ населеніе, что нажилъ большія деньги. Приставъ привлечь его къ отвѣтственности, но потомъ за большое вознагражденіе онъ и слѣдователь прекратили это дѣло, и еврей этотъ живетъ себѣ, какъ и прежде жилъ. Когда я окончилъ чтеніе прошенія, исправникъ обратился ко мнѣ съ просьбой поѣхать въ Новобатайскъ и произвести разслѣдованіе.

Взявъ это прошеніе съ собою, я въ тотъ же день выѣхалъ въ Новобатайскъ, пріѣхалъ туда ночью, а утромъ слѣдующаго дня приступилъ къ разслѣдованію. Я вызвалъ двухъ понятыхъ изъ крестьянъ, волостного старшину и сотскаго, и отправился къ указываемому въ прошеніи еврею. Хозяина дома не оказалось; домашніе заявили, что они ничего не знаютъ и что всѣ ключи отъ запертыхъ письменнаго стола и сундуковъ—у хозяина. Нечего было дѣлать, пришлось всѣ запертыя помѣщенія отбить и произвести

обыскъ. Въ ящикахъ письменного стола было много росписокъ и векселей крестьянъ по преимуществу; встрѣчалось много векселей на одну и ту же сумму, по два векселя, совершенные въ одно и тоже число. Были письма новѣйшаго полученія и разные счета и расчеты. Въ сундукѣ я нашелъ наличными деньгами болѣе 4-хъ тысячъ рублей и разными билетами тысячъ 16. Между прочимъ, тутъ былъ и его паспортъ отъ Екатеринославскаго Губернатора съ подшитымъ въ срединѣ паспортомъ турецкимъ, на турецкомъ языкѣ, и масса старыхъ писемъ. Паспортъ и старыя письма я взялъ съ собой, занеся въ составленную опись.

Подъ вечеръ пріѣхалъ и хозяинъ—еврей; я постановилъ впередъ до разсмотрѣнія паспорта и писемъ, арестовать его домашнимъ арестомъ а затѣмъ самъ уѣхалъ изъ Новобатайска.

По пріѣздѣ въ Ростовъ, я позвалъ еврейскаго раввина и просилъ его перевести всѣ письма въ моемъ присутствіи съ еврейскаго на русскій. На это онъ согласился: По переводѣ писемъ оказалось, что еврей Иосель Коганъ, дѣйствительно бѣжалъ изъ полка, имѣлъ переписку съ Кишиневскими евреями, которые его увѣдомляли, что фальшивый турецкій паспортъ можно получить въ Кишиневѣ не дороже 50 рублей.

Изъ показанія самого Когана было видно, что

онъ въ турціи никогда не былъ и той мѣстности, которая указана въ его фальшивомъ паспортѣ, не знаетъ,—забылъ даже названіе ея.

Изъ доноса было видно, что Коганъ уже былъ въ рукахъ правосудія, (что онъ и самъ подтвердилъ сказавши, что его нашли правымъ и отпустили); поэтому я отправилъ его, при своемъ постановленіи въ тюрьму, предполагая, что судебной власти будетъ трудно освободить его изъ тюрьмы, а дознаніе по этому предмету, со всѣми вещественными доказательствами я отправилъ къ судебному слѣдователю и обо всемъ донесъ прокурору. Прошло не мало времени. Я уже забылъ объ этомъ дѣлѣ. Вдругъ, спустя годъ, получаю повѣстку изъ Окружного Суда, призывающую меня туда въ качествѣ свидѣтеля. Въ 6 часовъ вечера, передъ днемъ разбора дѣла пріѣхалъ ко мнѣ Ростовскій банкиръ, еврей, купецъ 1-й гильдіи Велькштейнъ и просилъ свиданія. Хотя я и былъ знакомъ съ Велькштейномъ по клубу, но онъ у меня никогда не бывалъ. Нечего было дѣлать,—я принялъ его. Долго мы съ нимъ разговаривали о разныхъ разностяхъ, наконецъ, мнѣ надоѣла эта канитель, и я прямо спросилъ о цѣли его посѣщенія. Тогда онъ вынулъ изъ боковаго кармана пачку сторублевыхъ бумажекъ, положилъ ихъ на столъ и говорить—„это Викторъ Петровичъ, ваши деньги и только за то, чтобы вы завтра въ судѣ по дѣлу Когана не говорили, что онъ дезертиръ“.

А это доказывали письма на еврейскомъ языкѣ, переведенныя Ростовскимъ раввиномъ. Я вспомнилъ одинъ случай, когда мнѣ дали взятку—300 рублей, я представилъ ихъ по начальству и всѣ говорили: „Хорошо ему представлять взятки, удерживая половину себѣ.“ Съ тѣхъ поръ я больше взятокъ не принималъ и никуда не представлялъ, и теперь сказалъ Велькенштейну:

— „Возьмите ваши деньги, я на ваше предложеніе никогда не соглашусь“.

Какъ онъ ни уговаривалъ меня перемѣнить рѣшеніе, но я просилъ прекратить даже объ этомъ разговоръ. Велькенштейнъ, видя мое совершенное несогласіе, попрощался, говоря:

— „Жаль мнѣ васъ. Эти деньги вамъгодились бы. А мы, все равно обойдемся и безъ васъ“.

По уходѣ Велькенштейна, я тотчасъ отправился, къ жившему въ городѣ товарищу прокурора, Тарскому, передалъ ему все и просилъ на судѣ постараться выяснить обстоятельство о дезертирствѣ возможно подробнѣе и яснѣе, въ чемъ онъ и далъ слово.

Тарскій былъ молодой человѣкъ превосходнѣйшихъ нравственныхъ качествъ и честнѣйшій человѣкъ. Я его оставилъ на квартирѣ совершенно здоровымъ; онъ занимался предстоящими на завтра дѣлами. На другой день утромъ къ 10 часамъ я прибылъ въ судъ, узналъ что дѣло Когана назначено первымъ,

проходить часть, проходить 2 часа, а судъ не выходитъ и дѣло не разбирается. Будучи знакомъ съ членомъ суда, я зашелъ къ нему въ комнату, спросивъ предварительно позволенія и нашелъ судъ въ въ полномъ составѣ, но мнѣ объявили, что остановка за товарищемъ прокурора, котораго до сихъ поръ нѣтъ и за которымъ уже послали курьера и ждутъ отвѣта. Дѣйствительно черезъ 10 минутъ курьеръ явился и сказалъ, что товарищъ прокурора боленъ и въ судъ явиться не можетъ. Судъ разсмотрѣнiе сегодняшнихъ дѣлъ отложилъ. Изъ суда я отправился къ Тарскому и узналъ, что его человѣкъ вытопилъ печь на разсвѣтъ и, вѣроятно, рано закрылъ трубу. Тарскій по его словамъ едва не умеръ отъ угара и рѣшительно былъ не въ состоянiи встать съ постели. Онъ просилъ судъ на разборъ другихъ дѣлъ, на слѣдующіе дни, выписать изъ Таганрога другого товарища прокурора. Посидѣвъ немного у Тарскаго, я ушелъ и по дорогѣ все думалъ о томъ, не имѣетъ ли этотъ угаръ какого нибудь соотношенія съ дѣломъ Когана. Но это—такая обыкновенная случайность, въ особенности съ нашей прислугой, что я оставилъ свою подозрительную мысль безъ послѣдствій.

Прошло опять много времени; все это было забыто. Въ одинъ вечеръ прихожу я въ клубъ и вижу тамъ члена Окружного суда. „Зачѣмъ вы въ Ростовѣ?“ спрашиваю его. Онъ отвѣчалъ, что онъ здѣсь

въ составѣ суда и, что уже нѣсколько дней идетъ сессія суда. Я поинтересовался узнать о дѣлѣ Когана, когда оно будетъ разбираться; навѣрное, думалъ я, на эту сессію не назначено. Но нѣтъ, оказывается, что это дѣло уже разбиралось въ первые же дни и еврей Коганъ оправданъ, какъ ему помнится. Такой отвѣтъ меня страшно озадачилъ и я воскликнулъ: „Какъ, дѣло разбиралось безъ меня“. Меня судъ на этотъ разъ даже не вызвалъ. Это ужасно; что-то невѣроятное. Но членъ суда отвѣтилъ, что самое лучшее зайти мнѣ завтра въ судъ и отъ председательствующаго узнать все подробно. Нечего было дѣлать на другой день я отправился въ судъ и узналъ, что дѣло Когана дѣйствительно разбиралось, онъ оправданъ, что Селезневу отъ суда была повѣстка о явкѣ на судъ, но таковой не явился. Я сказалъ, что никакой повѣстки не получалъ, а потому и явиться въ судъ не могъ. Тогда председательствующій взялъ дѣло и въ дѣлѣ нашелъ, что повѣстка была написана на имя помощника пристава „Селезнева“ и препровождена въ городскую полицію для врученія; а такъ какъ „помощника пристава Селезнева“ въ Ростовѣ не существовало и никто его не зналъ, то полиція съ возвращеніемъ повѣстки донесла, что „Селезнева не розыскано въ Ростовѣ и гдѣ онъ находится неизвѣстно“. На судѣ это было прочитано, и стороны согласились на разборъ дѣла. Товарищъ про-

курора былъ изъ Таганрога, а Тарскій былъ въ отпуску. И такъ, дѣйствительно предсказаніе купца Велькенштейна, что „обойдутся безъ меня,“ сбылось. На вопросъ мой предсѣдательствующему „что-же мнѣ дѣлать?“ онъ отвѣтилъ, что дѣло это уже кончено и затѣвать что нибудь поздно. Теперь мнѣ стало ясно, что это былъ за угаръ Тарскаго; евреи совѣмъ обошли. Страшно взволнованный, отправился я къ исправнику и тамъ мы рѣшили обо всемъ донести Губернатору подробнѣйшимъ образомъ. Я немедленно составилъ донесеніе и показалъ исправнику, который одобрилъ его, какъ обстоятельное, и совѣтывалъ отправлять; но я еще пошелъ къ предводителю дворянства посовѣтываться съ нимъ. Онъ нашелъ дѣло возмутительнымъ и общалъ со своей стороны поддержку у Губернатора. Послѣ этого я послалъ свое донесеніе. Мѣсяца черезъ полтора я получилъ отъ правителя канцеляріи Губернатора увѣдомленіе, что по этому дѣлу Губернаторъ будетъ говорить лично со мною, что онъ собирается въ недалекомъ будущемъ пріѣхать въ Ростовъ на ревизію, Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого пріѣзда. Дѣйствительно, черезъ полтора мѣсяца Губернаторъ пріѣхалъ. Когда я представлялся, ему, онъ сказалъ: „По вашему донесенію по дѣлу Когана, я списывался съ предсѣдателемъ суда. Оказалось, что писавшій повѣстки, по ошибкѣ написалъ, вмѣсто „помощника исправника“ — „помощ-

никъ пристава, „Хотя этотъ писецъ подлежалъ за такую вещь удаленію отъ должности, но такъ какъ онъ оказался многосемейнымъ и безъ всякихъ средствъ, то предсѣдатель сдѣлалъ ему выговоръ и предупредилъ, чтобы на будущее время былъ болѣе внимательнымъ къ исполненію своихъ обязанностей. Теперь дѣлать нечего; нужно примириться съ необходимостью. И вотъ это дѣло такъ и кончилось.

Черезъ мѣсяца два я получилъ отъ губернатора предложеніе принять должность Славяносербскаго исправника. Я зналъ что въ Славяносербскомъ уѣздѣ накоплена страшная масса недоимокъ Государственнаго и земскихъ налоговъ, что городъ Славяносербскъ мизерный, безъ всякихъ учебныхъ заведеній. (а у меня воспитывалось въ гимназіи трое дѣтей) и что содержаніе мое увеличивалось только на 145 рублей, сравнительно съ тѣмъ, что я получалъ въ Ростовѣ. Къ тому-же я въ это время овдовѣлъ. Въ виду всего этого, поблагодаривши Губернатора, я отказался отъ его предложенія. Дальнѣйшая моя служба въ Ростовѣ н./д. шла своимъ чередомъ. Какъ начальство, такъ и общество были обо мнѣ прекраснаго мнѣнія. Недоимки были очищены, порядокъ въ уѣздѣ водворенъ; жилось мнѣ хорошо. Одна только была бѣда—съ дѣтьми: по служебнымъ обязанностямъ, я долженъ былъ часто отлучаться въ уѣздъ, а онѣ оставались дома безъ всякаго ухода и присмотра. Вслѣдствіе

этого я вторично женился—на молодой, образованной дѣвицѣ, взявъ порядочное приданное. Мы зажили прекрасно и воспитывали дѣтей.

Вторая жена моя безукоризненно смотрѣла за дѣтьми, ухаживала за ними во время ихъ болѣзни, репетировала ихъ и помогала имъ дѣлать уроки.

На 8-мъ мѣсяцѣ этой тихой жизни, я вновь получилъ предложеніе принять Славяносербскій уѣздъ. Видя настойчивость начальства, я началъ совѣтоваться объ этомъ съ женой и исправникомъ. Жена просила принять предлагаемую должность; исправникъ совѣтовалъ на этотъ разъ неотказываться, потому что при другомъ губернаторѣ, незнающемъ меня, я могу никогда не получить повышенія. „Пользуйтесь случаемъ,“ прибавилъ исправникъ.—Тѣмъ болѣе, есть слухъ, что полиціи прибавятъ содержаніе. „Взявъ все это въ соображеніе, я послалъ Губернатору свое согласіе, и черезъ мѣсяцъ, въ Сентябрѣ 1877 года былъ утвержденъ въ должности Славяносербскаго исправника.

Съ этого момента начинается моя служебная дѣятельность совершенно въ другомъ родѣ: изъ подчиненнаго я дѣлаюсь совершенно самостоятельнымъ администраторомъ въ уѣздѣ и единолично отвѣтственнымъ за него передъ Губернаторомъ. Въ это время мнѣ исполнилось 40 лѣтъ. Получивъ утвержденіе и, отслуживъ благодарственный молебенъ, я оставилъ

семью въ Ростовѣ, а самъ отправился на мѣсто моего новаго назначенія.

Назначеніе меня исправникомъ въ Славяносербскій уѣздъ состоялось въ самое для меня неблагопріятное время. Тогда со дня на день я ожидалъ прибавленія семейства. Наконецъ, это совершилось и черезъ 2 недѣли послѣ родовъ жены, оставивъ семью въ Ростовѣ, я одинъ поѣхалъ въ г. Славяносербскъ. Въ то время строилась желѣзная дорога отъ ст. Константиновки Азовской дороги до Луганска. Дорога эта прорѣзывала Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды. Не стану описывать подробно моего путешествія по вновь строящейся дорогѣ; скажу только, что небыло, гдѣ ни переночевать, ни поѣсть; приходилось даже итти пѣшкомъ. Наконецъ, въ два дня добрался я до г. Луганска, а оттуда 30 верстъ до Славяносербска проѣхалъ на лошадяхъ. Мизернѣйшій городъ состоялъ изъ трехъ улицъ. Я былъ радъ, что покрайней мѣрѣ квартиру для себя нашелъ удобную и приличную. Въ Славяносербскѣ я засталъ сѣздъ гласныхъ, по случаю очереднаго земскаго собранія; и это для меня было очень удобно; я сразу перезнакомился со всѣмъ уѣздомъ, и узналъ, что полиціи почти не существуетъ. Ея по цѣлымъ годамъ никто не видитъ, недоимокъ земскихъ накопилось 100 тысячъ рублей. Земству не на что существовать; на расходы пользу-

ются кредитомъ Луганскаго Коммерческаго Банка; почта существуетъ только между станами, и кому нужно получать частную корреспонденцію, то долженъ посылать за нею или въ Славяносербскъ, или въ Луганскъ. Словомъ, въ уѣздѣ царствовалъ полнѣйшій хаосъ. Кромѣ того недоимки государственнаго сбора было около 70 тысячъ рублей. Я тамъ же, въ собраніи, предложилъ устроить по всему уѣзду два раза въ недѣлю земскую почту, съ тѣмъ, чтобы отъ земства было ассигновано 300 рублей въ годъ на жалованіе двумъ почтарямъ. Собраніе съ удовольствіемъ согласилось. Затѣмъ я нѣсколько привелъ въ порядокъ Полицейское Управленіе, въ которомъ по годамъ не бывали члены его; Помощникъ Славяносербскаго исправника жилъ въ Луганскѣ и завѣдывалъ тамъ полиціей. Я отправился въ Луганскъ направили должнымъ образомъ дѣятельность своего помощника, какъ человѣка подчиненнаго. Обратившись къ старостѣ Упрощеннаго Управленія, я просилъ созвать сходъ, на которомъ уговорилъ общество ассигновать нужную сумму на учрежденіе въ Луганскѣ должности полицейскаго надзирателя, и увеличеніе числа городскихъ десятскихъ, что тутъ же и было рѣшено. Сходъ постановилъ ассигновать 650 р. для надзирателя и, къ имѣющимъ десятскимъ прибавить еще 4, потому что Луганскъ былъ въ 10 разъ обширнѣе и лучше уѣзднаго города Славяносербска. Устроивъ это я от-

правился за семьей въ Ростовъ.

Когда я перевезъ въ Славяносербскъ свою семью, былъ уже конецъ Октября, и я долженъ былъ отправиться въ уѣздъ по приему новобранцевъ. Во время этой поѣздки я имѣлъ возможность видѣться съ чинами уѣздной полиціи, „старшинами, сельскими старостами и сотскими.“ Я всемъ читалъ инструкціи объ ихъ обязанностяхъ, внушительно приказалъ заниматься ихъ исполненіемъ, какъ по надзору за подозрительными личностями, такъ по взысканію государственныхъ и земскихъ текущихъ платежей и недоимокъ, предупредивъ всѣхъ, что за неисполненіе моихъ приказаній, виновные будутъ подвергаемы строгому наказанію, безъ всякаго снисхожденія. Результатъ этихъ распоряженій не замедлилъ обнаружиться. За послѣдніе два мѣсяца было сдѣлано болѣе, чѣмъ за цѣлый годъ, по взысканію платежей. Я пребылъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ три года, и уже за это время недоимки упали, государственныхъ съ 70 до 15 тыс. руб. а земскія съ 100 до 25 тыс. р. Конокрадство уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину, и вообще уѣздъ въ административномъ отношеніи принялъ совершенно приличный видъ. Помощникъ мой, по утвержденіи въ Луганскѣ надзирателя, переѣхалъ на жительство въ Славяносербскъ, а это дало мнѣ возможность чаще бывать въ уѣздѣ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, проѣзжая черезъ пограничное

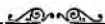
мѣстечко Ивановку, я услышалъ слѣдующую исторію. Къ мѣстному священнику Иванову пріѣхали на каникулы два его сына -- одинъ изъ Академіи художествъ, а другой изъ Университета, и привезли съ собою четырехъ барышень Богомазову, Богомолкову и двухъ сестеръ Петровыхъ. Всѣ они ѣздить по землѣ войска Донского, — гдѣ священникъ Ивановъ арендовалъ землю у казаковъ, — вмѣстѣ съ рабочими косятъ и гребутъ траву, жизнь ведутъ безправственную, поютъ неприличныя пѣсни, и разпространяютъ противоправительственное ученіе. Я вызвалъ становаго пристава взять одного десятскаго и двухъ сотскихъ, отправился въ землю войска Донского, — и произвелъ обыскъ у священника Иванова, причемъ нашелъ нѣсколько запрещенныхъ книгъ и болѣе сотни прокламацій противуправительственнаго содержанія. Составивъ всему этому опись, я отправился на сѣнокосъ въ землѣ войска Донского, гдѣ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ арестовалъ и со становымъ приставомъ отослалъ на лошадахъ въ Славяносербскъ, самъ же пріѣхалъ въ ближайшую къ сѣнокосу станицу и въ присутствіи мѣстнаго атамана, произвелъ разслѣдованіе. Изъ показаній опрошенныхъ лицъ выяснилось, что поповичи и барышни съ рабочими этой станицы и другихъ мѣстъ косили и гребли, по ночамъ жартовали и вели разговоры противъ правительства и начальства и раздавали какіе-то печатные листы.

Листы эти оказались прокламаціями. Казаки, получившіе ихъ, принесли и отдали ихъ мнѣ. Сообщивъ все это Окружному Начальнику войска Донского, я отправился домой, куда уже прибыли обвиняемые. Всѣхъ 6 обвиняемыхъ я при своемъ постановленіи передалъ въ тюремный замокъ впредь до прибытія жандармскаго офицера. По прибытіи жандармскаго офицера всѣ они были стправлены по этапу въ Таганрогъ, и что съ ними впослѣдствіи сдѣлалось мнѣ неизвѣстно.

Другой случай былъ слѣдующаго рода. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ есть селеніе Ольховатка, въ которомъ половина населенія православные, а остальные старообрядцы. Вотъ къ нимъ и забрался сынъ дьячка изъ земли войска Донского Мѣдниковъ, окончившій курсъ С.-Петербургскаго Университета съ заграничнымъ паспортомъ. Онъ факультетомъ посланъ былъ на казенный счетъ за границу съ научной цѣлью, но вмѣсто того, очутился у раскольниковъ, пропагандируя противоправительственныя идеи. Православное населеніе Ольховатки разузнавъ объ этомъ, во главѣ сельскаго старосты, арестовало Мѣдникова и при арестѣ страшно избило его, такъ какъ онъ при арестѣ сопротивлялся.

Дали знать становому приставу. Приставъ собравъ свѣдѣнія о пропагандѣ, препроводилъ Мѣдникова вмѣстѣ съ своимъ дознаніемъ лично ко мнѣ. Мѣдниковъ на

всѣ мои вопросы ничего не хотѣлъ отвѣчать; наконецъ, онъ сказалъ что въ полиціи онъ не проронитъ ни одного слова, и требовалъ, чтобы отправили его къ жандармскому полковнику, что мною и было сдѣлано. Онъ привезенъ былъ въ Полицейское Управленіе сильно избитый и въ разорванномъ платьѣ. На немъ были бархатные поддевка и штаны, прекраснаго голандскаго полотна вышитая малороссійская рубаха и большіе лакированные сапоги. Наружный видъ его былъ очень симпатичный и представительный, роста высокаго.

Конокрадство въ Славяносербскомъ уѣздѣ сильно процвѣтало и вынудило меня сдѣлать распоряженіе, чтобы въ каждой деревнѣ и селеніи наряжались ночные обходы которые посѣщали бы подозрительныхъ людей и, ежели застанутъ кого нибудь изъ жителей чужихъ селъ, немедленно арестовывали бы ихъ. Если бы при такихъ постороннихъ лицахъ находились лошади, то обходъ долженъ арестовать и лошадей и представить въ Полицейское Управленіе. Становымъ приказано было, чтобы они гдѣ ни встрѣтили цыганъ съ лошадьми, послѣднихъ арестовывали, а самыхъ цыганъ, не имѣющихъ паспорта или съ просроченными паспортами, представляли ко мнѣ для высылки на родину. Цыганъ же съ паспортами, чтобы не задерживали на мѣстѣ, а старались выжить изъ уѣз-

да. Вслѣдствіе такого моего распоряженія, въ городъ приведено было, болѣе 100 лошадей, такъ что уже всѣ отказывались взять ихъ на прокормленіе и трудно было продовольствовать. Но благодаря содѣйствію головы Упрощеннаго Управленія, не взятыя на прокормленіе лошади были допущены на пастбище на городской землѣ съ пастухомъ отъ города за вознагражденіе отъ обнаруживавшихся хозяевъ лошадей. Вслѣдствіе этого кражи сразу значительно уменьшились. Скоро нашлись хозяева къ арестованнымъ лошадямъ изъ за—100 и болѣе верстъ. Въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ всѣ лошади были розданы хозяевамъ, за исключеніемъ 11 штукъ; этимъ лошадямъ хозяева не находились, вѣроятно, потому что были очень уже издалека. По настояніи прокурора, я долженъ былъ ихъ возвратить владѣльцамъ, у которыхъ они были отобраны. Нужно прибавить, что за такія свои дѣйствія признанныя превышеніемъ власти (такъ какъ по одному подозрѣнію нельзя отбирать лошадей) я чуть было не попалъ подъ судъ. Но меня спасло то, что болѣе, чѣмъ къ 90 лошадямъ, нашлись настоящіе хозяева; потому жалобы на меня остались безъ послѣдствій, и между тѣмъ и въ дальнѣйшемъ конокрадство уменьшилось. Въ 1882 году осенью, около 5 часовъ вечера, приходитъ ко мнѣ почтмейстеръ мѣстной почтовой конторы, и заявляетъ, что изъ сумки, адресованной въ г. Бахмутъ, уворованъ пакетъ

съ 10 тысячами руб., что сумка цѣла, а денегъ нѣтъ, что онъ теперь пропалъ и не знаетъ, что дѣлать и кого въ томъ подозрѣвать. Пакетъ съ деньгами имъ самимъ положенъ въ сумку, и она при немъ задѣлана, запломбирована и запечатана; все цѣло: сумка, пломба и печати. Я посоветовалъ ему телеграфировать въ Бахмутъ о немедленной высылкѣ сюда сумки и самъ отправился на почту. Первымъ дѣломъ моимъ было изучить, какъ, чѣмъ и когда задѣлывается почта, когда и съ кѣмъ отправляется. Я просилъ почтмейстера быть откровеннымъ и не скрывать ничего, хотя бы было и съ его стороны какое нибудь упущеніе. Въ результатѣ разспросовъ я узналъ, что составъ конторы—Почтмейстеръ и 2 почталіона, что почта отправляется на ст. ж. д. Бѣлую ежедневно въ 5 часовъ утра, а задѣлывается окончательно между 11 и 12 часами ночи, и что почталіонъ, который ѣдетъ съ почтой, ночуетъ въ конторѣ; сундукъ съ разными казенными бумагами, пломбой и печатью стоитъ въ конторѣ. Осмотрѣвъ сундукъ, я нашелъ его запертымъ небольшимъ висячимъ замкомъ и узналъ, что, задѣлавъ корреспонденцію, почталіонъ отправляется спать; а въ это время, когда онъ уѣзжалъ съ корреспонденціей, приходилъ другой почталіонъ и оставался въ конторѣ все остальное время. Эти почталіоны дежурили въ конторѣ черезъ день. На другой день привезли и сумку, которая по осмотрѣ ока-

залась совершенно цѣла, а изъ увѣдомленія Бахмутской конторы видно было, что пломба и печать при полученіи тоже были цѣлы. Почталіонами служили мѣщане: Ростовскій—Каракозовъ, лѣтъ 25-ти и Славяносербскій—Ивановъ лѣтъ 19-ти. Разспросивъ объ образѣ жизни каждаго изъ нихъ я узналъ, что Ивановъ—нравственный и тихій юноша, жилъ у своихъ родителей, отецъ его занимался сапожнымъ мастерствомъ, былъ прекраснаго поведенія и хорошей нравственности. Каракозовъ нанималъ квартиру со столомъ недалеко отъ конторы, у одного изъ Славяносербскихъ мѣщанъ; это былъ человѣкъ нехорошаго поведенія и на сторонѣ имѣлъ любовницу. Въ день пропажи пакета съ почтой долженъ былъ ѣхать Ивановъ, но въ тотъ день Каракозовъ просилъ Иванова позволить поѣхать ему, такъ какъ, по разнымъ обстоятельствамъ на другой день ему нельзя было ѣхать.

Сообразивъ все и зная, что самъ почтмейстеръ—честнѣйшій человѣкъ и устроить этого самъ не могъ, я пришелъ къ убѣжденію, что кражу денегъ совершилъ одинъ изъ почталіоновъ конторы, посредствомъ подобранаго ключа къ сундуку, т. е. вскрылъ сумку послѣ ухода почтмейстера, вынулъ пакетъ съ деньгами и затѣмъ, отперевъ сундукъ, досталъ пломбу и печать и задѣлалъ сумку такъ, какъ до того она была. Вслѣдствіе сего, я обоихъ почталіоновъ, каждаго отдѣльно, посадилъ подъ арестъ и сдѣлалъ

обыскъ, какъ на квартирѣ Каракозова, такъ и у любовницы его, но нигдѣ ничего не нашелъ. Потомъ я сдѣлалъ обыскъ въ домѣ Иванова, гдѣ нашелъ во дворѣ въ сложенномъ въ сажень булыжникѣ, оболочку съ денежнаго пакета въ 10 тыс. руб. но самыхъ денегъ и конверта съ адресомъ не найдено. Не сомнѣнно нужно было полагать, что пакетъ уворовалъ Ивановъ; по этому къ допросу Иванова я приступилъ прежде всего. Но онъ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ ясно, клялся въ своей невинности и все время такъ страшно плакалъ, что, дѣйствительно, нельзя было не повѣрить ему, что онъ не виновенъ. Каракозовъ-же былъ угрюмъ, какъ-то подозрительно смотрѣлъ и неохотно отвѣчалъ на мои вопросы. Послѣ допроса Иванова и Каракозова я помѣстилъ ихъ на ночь въ одну комнату.

На почтѣ отъ станціоннаго приказщика я узналъ, что утромъ приходилъ сторожъ изъ конторы на станцію и требовалъ лошадей, какъ ему показалось, далеко раньше, чѣмъ обыкновенно бывало. Ямщикъ показалъ, что изъ конторы онъ поѣхалъ прямо на станцію желѣзной дороги и почталіонъ, забравши почту, отправился въ свое помѣщеніе, и что они пріѣхали на станцію раньше, чѣмъ всегда пріѣзжали. Сторожъ конторы отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ, такъ какъ, по уходѣ почтмейстера, онъ ушелъ въ свое помѣщеніе и легъ спать, а затѣмъ передъ разсвѣтомъ

его разбудилъ Каракозовъ и послалъ за лошадьми тогда какъ прежде ни онъ, ни другой почталіонъ за лошадьми не посылали на станцію: лошадей всегда подавали къ извѣстному часу. Опрошенные мною на станціи сторожа и дежурные телеграфисты ничего не сказали. Одинъ же изъ жандармовъ и сторожъ изъ казармы, стоявшей за станціей, заявили, что они рано утромъ видѣли, какъ почталіонъ Каракозовъ шелъ по полотну дороги со стороны, противоположной станціи; но откуда онъ шелъ—не знаютъ; что при немъ было—не видѣли.

Возвратившись со станціи, я опять потребовалъ Каракозова къ допросу, на основаніи новыхъ обстоятельствъ; но онъ былъ еще угрюмѣе прежняго и отозвался, что такъ какъ времени было много до прихода поѣзда, то онъ гулялъ по полотну дороги. Ничего не добившись отъ Каракозова, я обратился къ почтмейстеру и отъ него узналъ, что замочекъ къ сундуку, гдѣ хранились пломба и печать, онъ, 2 года тому назадъ купилъ въ Славяносербскѣ въ одной изъ желѣзныхъ лавокъ. Я попросилъ его пойти со мной въ эту лавку, гдѣ узналъ, что такой точно, какъ принесенный нами, замокъ, купилъ адѣсь одинъ почталіонъ, котораго фамиліи торговецъ не знаетъ, но лично его узнать можетъ. Въ другихъ желѣзныхъ лавкахъ, около того времени, почталіонъ Каракозовъ, какъ прямо называли купцы, приходилъ и спраши-

валъ замочка по этому образцу, но у нихъ такихъ замкомъ не нашлось. Когда привели Каракозова въ лавку, гдѣ онъ купилъ замокъ, то хозяинъ лавки призналъ въ немъ, того именно покупателя. Теперь уже несомнѣнно было, что пакетъ съ деньгами выкралъ Каракозовъ. Но онъ упорно отъ признанія отказывался; сознавался, что дѣйствительно замокъ купилъ, какой лавочникъ ему далъ, а самъ не подбиралъ. Этотъ замокъ, по его словамъ, испортился, и онъ забросилъ его. Вечеромъ того дня, т. е. черезъ два дня послѣ происшествія, пріѣхалъ изъ Екатеринослава губернскій почтмейстеръ Несвятскій; еще черезъ день два ожидался на ревизію Губернаторъ. По этому нужно было, во чтобы то ни стало, привести Каракозова къ сознанію. Въ противномъ случаѣ, если денегъ не найти, то, хотя улики были очень серьезныя, результатъ получился бы совсѣмъ не эффектный.

По этому я придумывалъ всѣ средства къ тому, чтобы заставить его сознаться и открыть, гдѣ спрятали имъ деньги. Спряталъ же онъ ихъ, вѣроятно же всего, въ лѣсу возлѣ вокзала, гдѣ гулялъ. Несвятскій по пріѣздѣ немедленно посѣтилъ меня, много говорилъ по дѣлу о пропажѣ денегъ, и былъ совершенно согласенъ со мной, что деньги уворовалъ Каракозовъ. Но гдѣ же деньги и гдѣ ихъ отыскать? Я отвѣтилъ, что нужно еще немного подождать—авось онъ сознается; и это непременно случится только

нужно время. Несвятскій пожелалъ видѣть арестованныхъ. Хотя это уже было поздно вечеромъ, но мы отправились въ кордегардію, и тамъ Несвятскій много говорилъ съ ними, желая привести къ сознанію; но результатовъ никакихъ не получилось. Когда же мы уходили, то Каракозовъ обратился ко мнѣ и сталъ просить посадить его на ночь отдѣльно отъ Иванова такъ какъ Ивановъ своими просьбами сознаться въ преступленіи рѣшительно не даетъ ему покоя. Видя, что присутствіе Иванова имѣетъ все таки нѣкоторое вліяніе на его черствую душу, я рѣшилъ оставить ихъ вмѣстѣ и на эту ночь. Затѣмъ я вызвалъ Иванова и сказалъ ему, чтобы онъ усилилъ свои просьбы: затѣмъ я допустилъ мать Иванова повидаться съ сыномъ тамъ же, въ присутствіи Каракозова, и мы ушли.

На другой день утромъ, въ 6 часовъ, разбудили меня и сказали, что пришелъ старшій десятскій изъ полиціи, что очень нужно. Десятскій передалъ, что Каракозовъ требуетъ меня немедленно, хочетъ сказать что-то важное. Разумѣется, я, предвидя его сознаніе, быстро одѣлся, зашелъ за губернскимъ почтмейстеромъ и вмѣстѣ отправились въ полицію. Тамъ я вызвалъ Каракозова въ Присутствіе. Онъ явился растроенный, съ красными воспаленными глазами и говоритъ, что содержаться съ Ивановымъ онъ далѣе не можетъ; тотъ не даетъ ему ни минуты покоя и

уже двѣ ночи не спать. Если такъ будетъ продолжаться, то онъ сойдетъ съ ума. Тогда я предложилъ Каракозову сознаться; этимъ онъ разомъ успокоить и себя и несчастнаго Иванова, который черезъ него невинно сидитъ. Я прибавилъ, что мы съ губернскимъ почтмейстеромъ облегчимъ его участь, если онъ сознается. „А деньги—прибавилъ я—все равно отыщу, и вы ими не воспользуетесь. Кромѣ того, черезъ ваше заперательство деньги въ лѣсу можетъ кто нибудь найти и воспользоваться ими. Вы же по тѣмъ сильнымъ уликамъ, какія открыты противъ васъ, навсегда пропадете въ каторжныхъ работахъ. Наконецъ я васъ не разъединю до тѣхъ поръ съ Ивановымъ, пока не отыщу денегъ“. Каракозовъ не много подумавъ сказалъ: „Это ужасно. Я вамъ сознаюсь: уворовалъ пакетъ съ деньгами я, обложку положилъ въ камни во дворѣ Иванова, чтобы отстранить отъ себя подозрѣніе, а деньги въ томъ же пакетѣ, въ которомъ они находились, я дѣйствительно спряталъ въ лѣсу. Поѣдемъ я укажу“.

Тотчасъ на мѣсто отправились, я съ губернскимъ почтмейстеромъ, понятые и Каракозовъ въ споровожденіи десятскихъ. По указанію Каракозова въ лѣсу найдены были, дѣйствительно, всѣ деньги. По возвращеніи нашемъ въ городъ, деньги были немедленно вручены мѣстному почтмейстеру. Ивановъ выпущенъ на свободу, а Каракозовъ переданъ суду, въ

виду сознанія понесъ болѣе легкое наказаніе. Я же отъ губернскаго почтоваго начальства получилъ благодарность.

Служба моя въ Славяносербскомъ уѣздѣ была очень тяжела; мнѣ приходилось цѣлыя недѣли проводить въ отлучкахъ—то по уѣзду, то въ Луганскѣ, дома же я былъ гостемъ. Но за то пріятно было, что труды мои цѣнятся обществомъ и начальствомъ. Пріѣхавъ въ Славяносербскъ, я засталъ тамъ квартирныхъ денегъ для исправника 145 рублей, а мнѣ земство назначило въ первый же годъ 600 р. Каждый годъ я получалъ денежныя награды отъ Правительства за взысканіе Государственныхъ сборовъ. Пріѣхавшій на ревизію Губернаторъ обласкалъ меня: я получилъ благодарность за порядокъ въ дѣлопроизводствѣ городской и уѣздной полиціи. При этомъ онъ объявилъ мнѣ что, такъ какъ я неохотно принялъ Славяносербскій уѣздъ, то онъ теперь же сдѣлаетъ распоряженіе о переводѣ меня исправникомъ въ Новомосковскій уѣздъ, который нуждался въ практичномъ администраторѣ. Онъ прибавилъ, что мнѣ удобнѣе будетъ тамъ воспитывать дѣтей, такъ какъ губернский городъ находится въ 25-ти верстахъ, а въ самомъ Новомосковскѣ существуетъ женская прогимназія.

Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Новомосковскъ представлялъ преимущество, но мнѣ жаль

было покидать Славяносербскій уѣздъ, гдѣ общество дворянъ и предводитель были превосходные люди. Но что дѣлать? Я поблагодарилъ Губернатора и согласился на переводъ.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ этого я, уже со всею семьей, съ шестью душами дѣтей былъ уже на пути въ Новомосковскъ. Сколько мученій пришлось испытать въ дорогѣ съ маленькими дѣтьми, но все таки мы прибыли благополучно на послѣднюю станцію желѣзной дороги, а тамъ дальше 25 верстъ проѣхали въ экипажахъ и въ Новомосковскъ пріѣхали вечеромъ, голодные и холодные. Здѣсь не было ни одной порядочной гостинницы, а все какіе то скверные еврейскіе постоялые дворы. Бѣсъ было нечего. Подали самоваръ,—такой грязный, что противно изъ него было пить чай; вѣроятно онъ никогда не чистился и былъ цвѣта черно зеленого. Но что было дѣлать? напились чаю, закусили чѣмъ попало, такъ какъ ужина достать нельзя было и легли спать. Такимъ образомъ пришлось прожить 4—5 дней, пока пріискали квартиру. А тутъ еще несчастье: почти мѣсяцъ не присылали нашихъ вещей. Пришлось розыскивать ихъ по тремъ желѣзнымъ дорогамъ. Однимъ словомъ первое впечатлѣніе было очень печально.

Городъ оказался совсѣмъ еврейскій и хотя обширнѣе и постройками лучше Славяносербска, но

разбросанъ, и на улицахъ песокъ по колѣни. Днемъ песокъ жегъ ноги, а ночью былъ страшно холоденъ, такъ что пока привыкли, у всѣхъ насъ не прекращались насморки. Общество же составляли: слѣдователь, воинскій начальникъ, почтмейстеръ—полякъ; начальникъ телеграфа—нѣмецъ; изъ русскихъ были только судья да городской голова мѣщанинъ. Присутственные мѣста въ нравственномъ отношеніи были жалки; смотритель уѣзднаго училища и духовенство тоже не отличалось особенной добродѣтелью. Въ крестьянскомъ присутствіи члены и предсѣдатель для рѣшенія дѣлъ никогда не собирались, а пріѣзжалъ въ канцелярію непремѣнный членъ и все рѣшалъ самолично; потомъ „журналы“ для подписи посылались членамъ и предсѣдателю по домамъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія оказывались односторонними и многія дѣла остались не рѣшенными. Такъ напр. дѣло Гупаловскаго старшины, который за злоупотребленія подлежалъ ссылкѣ въ Сибирь, не докладывалось нѣсколько лѣтъ. Школы въ уѣздѣ содержались на счетъ крестьянскихъ обществъ, и то—ихъ было очень мало. Земство же тратило на народное образованіе только 35 рублей въ годъ, (почему именно такую сумму—неизвѣстно). Къ этому нужно прибавить существованіе партій, которыя страшно интриговали одна противъ другой. Вотъ, та картина, какую представлялъ ввѣренный мнѣ городъ и уѣздъ.

По качеству земли и богатству воды уѣздъ имѣлъ прекрасныя условія, но мостовъ и шоссе въ немъ вовсе не было и сообщеніе въ распутицу было невозможно. Предсѣдатель уѣздной управы Карелинъ и съѣзда мировыхъ судей баронъ Штейнгаузенъ были люди умные и образованные, но противъ нихъ интриговали, и во время земскихъ собраній дѣло доходило почти до безпорядковъ. Предводителя дворянства, Мизина я засталъ уже заканчивающимъ свою 15 лѣтнюю службу, на слѣдующихъ выборахъ онъ былъ забаллотированъ. Такъ какъ некого было избирать изъ своихъ дворянъ, то избрали забаллотированнаго въ Верхнедпѣпровскомъ уѣздѣ предводителя помѣщика Аксютинъ. Правда Аксютинъ былъ пришлецъ, но съ его вступленіемъ, въ должность предводителя, начались, сравнительно съ прежнимъ, порядки какъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, такъ и въ дѣлѣ народнаго образованія которое начало упорядочиваться. Земствомъ было на первый разъ ассигновано на усиленіе сельскихъ школъ 4 тыс. рублей и по наблюденію за школами было ассигновано 1 тыс. рублей въ распоряженіе предводителя.

При предводителѣ Мизинѣ однажды во время призыва новобранцевъ былъ такой случай. Врачъ плакалъ передъ присутствіемъ, упрашивая забракловать 2-хъ купеческихъ сынковъ. Мизинъ былъ уже настолько тронутъ, этими слезами, что готовъ былъ

согласиться съ докторомъ; но я и воинскій начальникъ настояли, чтобы купеческіе сынки были приняты въ солдаты и отслужили свой срокъ. Служба при такихъ обстоятельствахъ была не легка для меня, тѣмъ болѣе, что во многомъ приходилось не соглашаться съ начальниками различныхъ учрежденій. Но все таки я пользовался большимъ уваженіемъ обѣихъ партій, потому что явно не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой и держалъ себя совершенно свободно. На другой годъ моей службы въ Новомосковскѣ, Земское Собраніе увеличило мнѣ квартирныя деньги съ 240 руб. до 400 руб., а еще черезъ годъ довело до 600 рублей.

Разнаго рода распри между начальствующими повели къ тому, что и между крестьянами начались небольшіе своеволия.

Такъ напр., отъ землевладѣльца полковника М.М. Розенко крестьяне требовали, чтобы онъ непремѣнно сдалъ имъ землю въ аренду, хотя онъ не имѣлъ этого въ виду. Когда мнѣ дали знать объ этомъ я самъ лично привелъ крестьянъ къ порядку убѣжденіемъ и разъясненіемъ законовъ и заставилъ ихъ просить извиненія у землевладѣльца. Тоже самое повторилось у брата Розенко, но и тамъ мнѣ удалось все уладить и привести въ порядокъ. Послѣ этого въ предупрежденіе подобнаго рода требованій на будущее время, одно изъ высокопоставленныхъ лицъ

(владѣющее землею въ Новомосковскомъ уѣздѣ), склонило Начальника губерніи ѣхать съ нимъ въ Новомосковскъ и затѣмъ по уѣзду для увѣщанія крестьянскихъ обществъ, чтобы они безусловно повиновались властямъ и оставались довольны своими землями. Услышавъ про эту затѣю, я конфиденціально сообщилъ начальнику губерніи, что выполнение ея ни къ чему полезному не послужитъ, а, напротивъ, при появленіи начальства, которое само затронетъ вопросъ о землѣ, начнутся со стороны крестьянъ нежелательныя просьбы и, пожалуй, требованія. При теперешнемъ общемъ настроеніи народа—писалъ я—крестьяне могутъ не оказать гдѣ-либо должнаго уваженія. По этому самое лучшее оставить это дѣло, какъ оно есть, такъ какъ въ настоящее время населеніе спокойно. Начальникъ губерніи, вѣроятно имѣя въ виду мое сообщеніе, отклонилъ приглашеніе. Но мѣсяца черезъ три послѣ этого, онъ уѣхалъ въ отпускъ. Въ управленіе губерніей вступилъ Вице-губернаторъ, который немедленно привелъ въ исполненіе выше-названный проектъ высокопоставленнаго лица. Это было въ концѣ Мая. Стояла великолѣпная погода. Въ одинъ прекрасный день получаю я телеграмму отъ управляющаго губерніей, въ которой онъ извѣщаетъ, что онъ ѣдетъ въ мой уѣздъ для объѣзда крестьянскихъ обществъ вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства. Къ вечеру того же дня они, дѣйстви-

тельно, приѣхали. Уже при встрѣчѣ я хорошо замѣтилъ, что оба они какъ-то недружелюбно относились ко мнѣ; вѣроятно, имъ хорошо было извѣстно мое конфиденціальное сообщеніе губернатору. Какъ-бы то нибыло, но они мнѣ сказали, какія именно желаютъ посѣтить мѣста, и я сейчасъ же распорядился составленіемъ маршрута и оповѣщеніемъ крестьянскихъ обществъ и помѣщиковъ намеченныхъ селъ.

На другой день мы выѣхали къ первому полковнику Розенко. Онъ насъ встрѣтилъ на деревнѣ передъ сельскимъ правленіемъ въ виду схода крестьянъ, благодарилъ обоихъ начальствующихъ лицъ за честь, ему оказанную, и доложилъ, что въ настоящее время крестьяне не нуждаются рѣшительно ни въ какихъ разъясненіяхъ, такъ какъ послѣ разъясненія исправника съ ними они очень почтительны и находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ нему, землевладѣльцу. Онъ прибавилъ: „Если вамъ угодно будетъ сдѣлать крестьянамъ внушеніе, то я позволяю себѣ предупредить, что они по своему благоразумію заслуживаютъ снисхожденія“—и въ заключеніе просилъ пожаловать къ нему на завтракъ. Крестьяне поднесли хлѣбъ-соль. Управляющій губерніей благодарилъ крестьянъ, поговорилъ со мной и съ ними о видахъ на урожай и погодѣ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились завтракать. Завтракъ прошелъ весело, много говорили о Петербургѣ, такъ какъ Розенко каждую

зиму жилъ съ семьей въ столицѣ, дочь его состояла фрейлиною при дворѣ, а сестра жены была замужемъ за генераль-адъютантомъ Чеверинимъ. Потомъ мы уѣхали въ Попасное, имѣніе брата Розенко, гдѣ пообѣдали, а на ночь поѣхали въ имѣніе генераль-маіора Струвика и тамъ же ночевали. На другой день былъ собранъ сходъ крестьянъ изъ многихъ деревень тамъ мы должны были и обѣдать. Приѣхалъ въ Попасное и мѣстный предводитель дворянства Мызинъ, не пользовавшійся въ уѣздѣ популярностью.

На сходъ собралось болѣе 700 человекъ крестьянъ; явились туда и мы. Сходъ встрѣтилъ начальство почтительно; крестьяне долго слушали, что имъ объяснялъ управляющій губерніей, а потомъ и сами начали предлагать нѣкоторые вопросы относительно своего матеріальнаго положенія, въ особенности относительно земли. Начальство отвѣчало прямо отказомъ, вслѣдствіе чего между народомъ поднялся ропотъ и сзади даже послышались неуважительные возгласы. Мызинъ рѣшилъ сейчасъ же уѣхать. Замѣтивъ дурное настроеніе крестьянъ, я предложилъ, для избѣжанія дальнѣйшихъ непріятностей, просить губернскаго предводителя тоже уѣхать; и когда они уходили, то мнѣ чрезвычайно трудно было проводить ихъ къ экипажу: народъ все загораживалъ дорогу и обращался съ неумѣстными вопросами. Послѣ этого управляющій губерніей съ предводителемъ дворянства,

не заѣзжая уже на обѣдъ къ владѣльцу, уѣхали. Меня-же и бывшаго со мною чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ крестьяне задерживали, загрожавая отъ насъ экипажъ и предлагая вопросы, не входящіе въ составъ моей компетенціи. Наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній я насилу отвязался отъ схода, и, когда я уже сѣлъ въ экипажъ, крестьяне разступились, и мы уѣхали. Невдалекѣ отъ Попаснаго насъ ожидало начальство, и мы, вмѣсто продолженія объѣзда, поѣхали обратно въ Новомосковскъ.

Неудовольствіе крестьянъ объяснилось тѣмъ, что почти во всемъ Новомосковскомъ уѣздѣ они получили надѣлы или совѣмъ даровые, по одной десятинѣ, или по полъ недѣла, т. е. по 2 десятины; между тѣмъ народонаселеніе увеличилось и въ немъ замѣчался большой недостатокъ въ землѣ. Арендные цѣны были высоки, а многіе владѣльцы и совѣмъ не давали земли въ аренду. На обратномъ пути я видѣлъ, что начальство еще больше сердилось на меня за мое предвидѣніе того, что случилось.

Дорогой говорили о томъ, что необходимо крестьянъ, наказать примѣрно.

По пріѣздѣ въ Новомосковскъ около 10 час. вечера на станціи я узналъ, что въ городѣ съ утра происходятъ анти-еврейскіе беспорядки: народъ разбилъ массу еврейскихъ лавокъ на базарѣ и въ рядахъ и теперь разоряетъ еврейскіе дома. Доложилъ

объ этомъ управляющему губерніей, а самъ-же сейчасъ отправился на мѣсто происшествія.

На базарной площади, въ нѣсколькихъ мѣстахъ толпы пьянаго и полу-пьянаго народа разбивали лавки и расхищали имущество. Уже слишкомъ поздно было ихъ останавливать. По этому я обратился къ Управляющему губерніей и просилъ его сдѣлать распоряженіе о присылкѣ изъ Екатеринослава сотни казаковъ, что было немедленно сдѣлано по телеграфу. Самъ же я немедленно отправился къ бунтовщикамъ. Въ 3-хъ мѣстахъ начинался пожаръ. но вызванной пожарной командой удавалось тушить огонь; нужно отдать справедливость бунтовавшимъ: они тоже оказывали пожарнымъ громадную помощь. Удалось отстоять и уговорить толпу не разорять синагоги, подвала со спиртомъ и мучной лавки. Распространенный мною слухъ, что уже ѣдутъ казаки, заставилъ много народу разойтись. Дѣйствительно въ 3 часа ночи прибыло полсотни казаковъ и вотъ при ихъ помощи полиція арестовала около 70 человѣкъ и на другой день безпорядки въ городѣ не повторялись. Но получились свѣдѣнія изъ пригородныхъ селъ, что и тамъ народъ возбужденъ противъ евреевъ, и послѣднія просятъ защиты. Я немедленно послалъ въ 3 селенія по 12 казаковъ при полицейскомъ чиновникѣ, и населеніе успокоилось. Больше безпорядковъ по уѣзду не было, и черезъ недѣлю

казаки были отосланы назадъ.

Послѣ этого произведено было дознаніе и болѣе 100 человѣкъ было предано суду. Поводомъ къ безпорядкамъ послужило слѣдующее обстоятельство. Еще зимою въ томъ же году въ Новомосковскѣ была обворована церковь. Нѣкоторыя изъ похищенныхъ вещей были розысканы въ Екатеринославѣ у евреевъ; но одной ризѣ и вѣнцовъ для вѣнчающихся не розыскано. Три еврея и два русскихъ по этому дѣлу были преданы суду. Разумѣется, духовенство, гдѣ возможно было, распространяло слухъ объ этой кражѣ, и это возбуждало народъ. Мнѣ нѣсколько разъ удавалось остановить начинавшіеся безпорядки; и это было тѣмъ легче, что въ городѣ тогда былъ расположенъ цѣлый полкъ. Теперь же полкъ стоялъ „въ лагерахъ“ въ Екатеринославѣ и въ Новомосковскѣ оставалось только человѣкъ 70 солдатъ, которые содержали караулы въ полковыхъ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ и тюрьмѣ. Вотъ народъ и воспользовался этимъ временемъ. Въ воскресенье, базарный день, два изъ пріѣзжихъ на базаръ крестьянъ зашли въ питейный домъ выпить водки и тамъ увидѣли нѣсколько обрѣзковъ парчи, изъ какой обыкновенно шьются ризы. Выпивъ водку, они пошли на базаръ и стали рассказывать среди крестьянъ, что вотъ-молъ-гдѣ скрываются уворованныя въ церкви вещи. Послѣ этого толпа начала собираться къ тому питейному до-

му, гдѣ уже былъ и помощникъ мой съ нѣсколькими десятскими. Толпа требовала, чтобы сдѣланъ былъ обыскъ; но помощникъ мой почему то воспротивился этому и потребовалъ, чтобы толпа разошлась. Но вмѣсто того, чтобы разойтись, она все болѣе и болѣе увеличивалась, сама ворвалась въ домъ и начала шарить тамъ и между прочимъ нашла серебрянную коронку, похожую на наши вѣнчики. Послѣ этого она уже начало бушевать безъ удержу, выпила водку, находившуюся въ домѣ, побила и разорила все, что тамъ нашлось; а покончивши со шинкомъ, она пошла далѣе буйствовать и разорять.

Съ самаго начала моей службы въ Новомосковскѣ со стороны Мызина, бывшаго въ то время предводителемъ дворянства, а потомъ черезъ годъ забаллотированного, постоянно поступали жалобы на рабочихъ, что они разбѣжались, и на крестьянъ за праву сѣнокоса и переѣзды черезъ его землю. Мнѣ самому часто приходилось пріѣзжать къ Мызину и разбирать административнымъ порядкомъ споры крестьянъ съ нимъ, такъ какъ въ судебномъ порядкѣ онъ разбираться не хотѣлъ. При этомъ почти всегда оказывалась неправою „экономія“: то совсѣмъ жалобы были несправедливы, то пища для рабочихъ была на столько неудовлетворительна, что они поневолѣ разбѣгались; кромѣ того штрафовали людей

ужасно. Одинъ разъ прїѣзжаю я для разбора подобныхъ жалобъ въ д. Карабиновку и узнаю, что бывшіе крестьяне Мызина Карабиновцы живущіе смежно съ его экономіей, страшно возбуждены противъ него за то, что онъ хочетъ купить приторгованную ими землю Купницкаго, невдалекѣ отъ ихъ поселка. Ихъ успокаивалъ и разъяснялъ, что всякій воленъ купить землю, пока она не продана. Но они мнѣ сказали, что ту землю они не только приторговали, но уже купили и дали задатокъ, а послѣднія деньги должны внести черезъ 1—2 мѣсяца. Землю они эту купили вмѣстѣ съ нѣмцами и что нѣмцы даютъ имъ деньги въ разсрочку до открытія банка. Зная навѣрное изъ отзывовъ самого Мызина, что землю Купницкаго, въ количествѣ 4000 дес., онъ дѣйствительно предполагаетъ купить, чтобы потомъ невышло исторіи, я обо всемъ доложилъ Губернатору. Такъ, какъ въ сущности дѣло это было гражданское, то на него мало обратили вниманія. Мнѣ же съ Мызинымъ и Купницкимъ говорить по этому поводу не приходилось, потому что могли прямо отвѣтить; „Это не ваше дѣло“. Но вотъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого ко мнѣ явилась цѣлая депутація отъ крестьянъ д. Карабиновки съ жалобою на Мызина, что онъ надбавилъ по 2 руб. на десятину, купилъ у Купницкаго проданную имъ землю, что эта земля какъ воздухъ имъ необходима, и они ею постоянно пользовались,

снимая по сходной цѣнѣ въ аренду. Теперь они поневолѣ должны обращаться за землею къ Мызину, такъ какъ почти на 20 верстѣ въ окружности нѣтъ свободныхъ земель; а между тѣмъ у Мызина земля, хотя и сдается въ аренду, но на страшно тяжелыхъ условіяхъ, что они испытали уже до аренды земли у Купницкаго. Сознывая, что не могу помочь крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ, я направилъ ихъ къ губернатору, объяснивъ, что официально и губернаторъ имъ помочь не можетъ, что это дѣло гражданское, и они могутъ судомъ искать убытки съ Купницкаго, а не какъ не съ Мызина. Съ тѣмъ они отъ меня и ушли. Побывавши въ Екатеринославѣ, крестьяне тоже ничего не могли добиться. Тогда они начали снаряжать ходоковъ въ Одессу къ Генераль-губернатору. А тѣмъ временемъ купчая была совершена, и дѣло о покупкѣ земли Мызинымъ совсѣмъ покончено, и онъ, узнавъ о готовящемся посольствѣ, заявилъ мнѣ и просилъ не пускать ихъ. Съ своей стороны я убѣждалъ крестьянъ не ѣздить ни въ Одессу, ни въ Петербургъ, но они настояли на своемъ: послали ходоковъ въ Одессу и потомъ въ Петербургъ, но успѣха, разумѣется, не добились.

Наступила зима; все какъ будто успокоилось. Крестьяне не могли предъявить иска Купницкому по неимѣнію средствъ. Вдругъ раннею весною получаю телеграмму отъ Управляющаго губерніей (такъ

какъ Губернаторъ отсутствовалъ): немедленно приготовить подводы для баталіона пѣхоты и сдѣлать распоряженіе къ немедленному выступленію таковаго въ имѣніе г. Мызина: въ заключеніе сообщалъ, что онъ самъ съ прокуроромъ немедленно будетъ. Въ чемъ дѣло? я не зналъ этого, такъ какъ Мызинъ обратился прямо къ Губернатору, минуя меня. Часа черезъ 2 прибыли 50 человѣкъ казаковъ и уже отъ нихъ я узналъ, что противъ Мызина взбунтовались крестьяне и начали пахать его землю безъ всякаго позволенія. Отправилъ я и казаковъ въ имѣніе Мызина—съ тѣмъ, что если они придутъ туда раньше меня, то, чтобы обождали. Къ вечеру того же дня прибылъ и Управляющій губерніей съ прокуроромъ и на другой день рано утромъ вмѣстѣ со мною и мѣстнымъ предводителемъ дворянства Аксютинымъ, выѣхали въ имѣніе Мызина, гдѣ насъ ожидали солдаты и казаки. Прибывъ въ имѣніе мы застали ихъ въ полной готовности къ дѣйствию, почему немедленно и отправились на мѣсто, гдѣ орали землю крестьяне. Это было въ 4—5 верстахъ отъ имѣнія. Отъѣхавши съ полверсты, Управляющему губерніей захотѣлось поѣхать на мѣсто происшествія раньше пѣхоты съ одними казаками, для чего онъ изъ экипажа пересѣлъ на приготовленную Мызинымъ верховую лошадь арабской породы и скомандовалъ казакамъ ѣхать за нимъ. Такъ какъ пускать одного Уп-

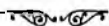
равляющаго губерніей съ казаками не приходилось, то я тоже сѣлъ на лошадь урядника и поѣхалъ съ ними; становой же приставъ и полицейскій урядникъ съ моимъ десятскимъ поѣхали за нами въ моемъ экипажѣ.

Передъ нашимъ выѣздомъ съ одними казаками, я докладывалъ Управляющему губерніей, что лучше было-бы явиться на мѣсто одновременно съ пѣхотою такъ какъ тамъ должно быть не менѣе 400 человекъ крестьянъ и можетъ что-нибудь выйти. Но Управляющій губерніей на это ничего не сказалъ и поѣхалъ. По прибытіи на мѣсто, мы увидѣли слѣдующую картину. На разстояніи 5—6 верстъ было болѣе 150 плуговъ, которые пахали цѣльную землю, принадлежащую Мызину, въ разныхъ направленіяхъ. Управляющій губерніей тотчасъ же приказалъ по 10 человекъ направо и налево отдѣлиться и ѣхать сгонять людей къ тому, мѣсту гдѣ мы стояли. Между тѣмъ, крестьяне, увидѣвъ насъ, начали поспѣшно бросать плуги и бѣжать къ прежде должно быть избранному ими мѣсту—могилкѣ, гдѣ стояло много возовъ. Когда крестьяне собрались, мы подѣхали къ нимъ, и Управляющій губерніей началъ ихъ увѣщевать бросить затѣянное ими дѣло, но крестьяне отвѣтили: „Что-жъ. Это-наша земля, мы ее купили. А ще винъ перекупивъ, то нехай на насъ жалуется, а мы орать не перестанемъ“. При этомъ одинъ изъ толпы будто-бы

сказалъ какую то дерзость. Вслѣдствіе этого Управляющій губерніей приказалъ его арестовать. Такъ какъ при мнѣ никого изъ полицейскихъ не было, то я долженъ былъ слѣзть съ лошади, отдать ее казаку и самолично отправиться въ толпу, Толпа арестовать не позволила никого, заволновалась, бросилась къ возамъ и, вооружившись кольями, устремилась къ Управляющему губерніей. Онъ, не видя меня въ толпѣ, приказалъ 12 казакамъ броситься въ нее и освободить меня. Но меня уже подняли на ноги полицейскій урядникъ и мой десятскій, и я съ ними выбрался изъ толпы; крестьяне же начали бить кольями казаковъ, посланныхъ освободить меня. Вышедши изъ толпы и видя, что крестьяне вошли уже въ азартъ и бросаются на начальника и другихъ казаковъ, я предложилъ Управляющему губерніей, во избѣжаніе напрасныхъ жертвъ, отозвать казаковъ и послать за пѣхотой. Это и было исполнено. Крестьяне недоумѣвали передъ такимъ оборотомъ дѣла, все болѣе и болѣе наступали, крича во все горло. Но когда изъ-за возвышенія показалась пѣхота развернутымъ фронтомъ, бѣгущая и сверкающая штыками, то крестьяне, озадаченные этимъ, остановились и сбились въ кучу, побросавъ колья. Пѣхота моментально окружила ихъ въ нѣсколько шеренгъ. Тогда они упали на колѣни и стали просить прощенія.

Въ результатѣ оказалось, что семь казаковъ бы-

ли легко ранены, а у меня оказался на бедрѣ съ правой стороны синякъ, но боли особенной не чувствовалось. Этимъ и окончилась баталія. Крестьяне всѣ были арестованы и содержались около 3-хъ дней; а въ это время произведено разслѣдованіе. Главные виновники, въ числѣ 26 человѣкъ, были преданы суду, за сопротивленіе властямъ, а остальные судились мировымъ судьей, и были приговорены къ 2-хъ мѣсячному аресту въ арестномъ помѣщеніи. Но Мызинъ ихъ простилъ такъ что никто по рѣшенію не подвергся аресту. Судившіеся-же сословнымъ судомъ большею частью были оправданы, а 4 человѣка подвергнуты годичному тюремному заключенію.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого перемѣнился Губернаторъ. Назначенъ былъ князь Малорукъ, который предпринялъ ревизію Новомосковского уѣзда совместно съ прокуроромъ судебной палаты и другими представителями власти. Ревизія производилась цѣлый мѣсяцъ и была по истинѣ беспримѣрна. Губернаторъ не уѣзжалъ изъ уѣзда во все это время. Послѣ этой ревизіи много было перемѣнъ, но полиція осталась на своемъ мѣстѣ и Губернаторъ на прощальномъ обѣдѣ публично благодарилъ меня, и, въ лицѣ моемъ, всю полицію уѣзда.

Прослуживши еще мѣсяцевъ 6 въ Новомосковскомъ уѣздѣ совершенно спокойно, потому что интри-

ги уменьшились и чиновники всѣхъ вѣдомствъ начали исполнять свои обязанности далеко добросовѣстнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, — я получилъ отъ Губернатора задушевное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня принять въ управленіе Верхнеднѣпровскій уѣздъ гдѣ онъ, послѣ ревизіи, остался недоволенъ администраціей. Разумѣется, я изъявилъ на этотъ переводъ свое согласіе и 24 Февраля 1884 года былъ назначенъ Верхнеднѣпровскимъ исправникомъ. Распрощавшись съ моимъ помощникомъ и сослуживцами на устроенномъ мнѣ прощальномъ обѣдѣ и сдавъ должность своему преемнику, я отправился къ мѣсту новаго служенія въ г. Верхнеднѣпровскъ. Здѣсь я засталъ многихъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ еще въ прежнюю мою службу въ городѣ и уѣздѣ; они встрѣтили меня радушно и обласкали. Предводителемъ дворянства я засталъ сына любившаго меня и прежде помѣщика, молодого человѣка съ высшимъ образованіемъ, хорошимъ состояніемъ, полного силъ и энергіи. Встрѣча наша была самая задушевная; сразу мною было переговорено о дѣлахъ службы и передано, на что нужно обратить вниманіе, такъ что это очень облегчило мою задачу. Въ числѣ прочаго, онъ указалъ на конокрадство и ужасное множество сусликовъ, которые безпощадно уничтожаютъ посѣвы не только крестьянскіе но и помѣщичьи. Дѣйствительно, объѣзжая уѣздъ въ началѣ Марта, я самъ видѣлъ: сусли-

ковъ была такая масса въ поляхъ и на дорогахъ, что нужно было принять безотлагательныя мѣры къ уничтоженію ихъ, иначе весь урожай этого года могъ бы погибнуть. Вслѣдствіе этого повидавшись съ приставами, урядниками и старшинами, я приказалъ сейчасъ же внушить населенію --заняться уничтоженіемъ сусликовъ. А возвратившись въ городъ, я узналъ въ земской управѣ, что существуетъ сусликовая повинность, по 3 овражка на десятину, что въ натурѣ сусликовъ мало представляютъ и образовалась большая недоимка этого налога. Поэтому я тогда же обратился къ помѣщикамъ съ письмами и просилъ ихъ безотлагательно заняться уничтоженіемъ сусликовъ, такъ какъ время для этого самое удобное, и обязалъ каждого изъ нихъ, кромѣ земскаго налога, представить на каждую десятину еще по 10 штукъ сусликовъ, за которые они получаютъ отъ земства вознагражденіе. На случай же неисполненія моего распоряженія, я пригрозилъ привлеченіемъ къ отвѣтственности на основаніи ст. 29 Уст. Мир. Суд. Старшинамъ я предписалъ относительно крестьянъ, чтобы послѣдніе представили по 10 штукъ овражковъ на десятину; въ противномъ случаѣ, они будутъ лично отвѣчать передъ закономъ за бездѣятельность.

Пужно сказать правду, что и помѣщики и крестьяне отнеслись къ моему распоряженію вполне добросовѣстно, и къ половинѣ Мая того же года въ зем-

скую управу было сдано болѣе 6 миліоновъ штукъ сусликовъ. Хотя въ первый годъ они не были совершенно уничтожены, и урожай того года все таки много пострадалъ, но въ 2—3 слѣдующіе года ихъ совершенно уничтожили. Въ настоящее время земскій налогъ на нихъ еще существуетъ, но всего только по одному суслику съ десятины.

Послѣ этого я занялся специально преслѣдованіемъ конокрадства, для чего учредилъ въ селеніяхъ и деревняхъ, на вѣздахъ и выѣздахъ, караульные посты, для которыхъ на случай ненастья были построены обществами будки. Не только полицейскимъ урядникамъ, но волостнымъ и сельскимъ начальствамъ было вмѣнено въ обязанность неупустительно провѣрять обходы и посты. Результаты получились болѣе, чѣмъ удовлетворительные, въ особенности въ зимнее время, когда миновать села и деревни не представлялось никакой возможности, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ. Кромѣ того, я назначилъ одного изъ лучшихъ урядниковъ для изслѣдованія пограничныхъ съ Верхнедніпровскимъ уѣздомъ селъ и деревень другихъ уѣздовъ Херсонской губ. и немного прошло времени, какъ была открыта цѣлая шайка конокрадовъ въ 15 верстахъ отъ границы, въ Херсонскомъ уѣздѣ. Предводительствовалъ ею землевладѣлецъ изъ дворянъ Никита Петруша.

Въ усадьбѣ его были устроены погреба для скры-

тія украденныхъ лошадей и разнаго рода вещей. Этотъ человѣкъ уже былъ не первой молодости и имѣлъ дочь 18 лѣтъ. За нею ухаживалъ одинъ изъ молодыхъ мѣщанъ гор. Николаева Есауловъ, котораго Петруша посвятилъ въ свое ремесло, и онъ вмѣстѣ съ работникомъ Петруши, крестьяниномъ Охинченкомъ, и другими лицами, производилъ кражу лошадей въ Верхнедніпровскомъ, Екатеринославскомъ, Херсонскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ. Открыта эта шайка слѣдующимъ образомъ. У одного изъ помѣщиковъ была уворована четверка лошадей. Дано было знать мѣстному приставу. На счастье помѣщика находился невдалекѣ урядникъ, которому специально было поручено розыскивать украденныхъ лошадей. Онъ здѣсь же на мѣстѣ добылъ свѣдѣніе, что за нѣсколько дней до кражи служившаго прежде у того помѣщика кучера крестьянина м. Анновки Якова Охинченко. Такъ какъ было неизвѣстно, гдѣ послѣдній находился въ то время, то урядникъ отправился въ м. Анновку на мѣсто постоянного жительства Охинченко. Здѣсь онъ узналъ, что Охинченко нѣтъ въ мѣстечкѣ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, что онъ навѣдывается въ Анновку къ роднымъ, но въ настоящее время служить гдѣ-то въ Херсонскомъ уѣздѣ у помѣщика. Тогда урядникъ, переодѣвшись и взявъ отъ волости бумагу о розыскѣ пропавшей у него будто бы лошади, отправился въ Херсонскій уѣздъ и на-

чалъ разспрашивать о ближайшихъ помѣщикахъ. Ему указали на нѣсколькихъ, въ томъ числѣ и на Петрушу. Побывавши у двухъ-трехъ помѣщиковъ и не найдя Охинченко, онъ отправился къ Петрушѣ. По разпросамъ отъ людей и пастуха экономіи онъ узналъ, что Охинченко служить здѣсь; неизвѣстно, въ чемъ состоитъ его служба, но онъ часто отлучается изъ экономіи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ хозяина, будто-бы покупать и продавать лошадей. Урядникъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, и видя, что пастухъ разговорчивъ, попросился къ нему переночевать, сказавъ, что только поѣдетъ на нѣсколько часовъ въ м. Кривой-Рогъ купить харчей и возвратится. Тотъ согласился. Урядникъ не теряя времени, такъ какъ Кривой-Рогъ отъ экономіи отстоитъ ближе всего, поѣхалъ туда, купилъ водки и закуски и возвратился въ экономію прямо въ хату къ пастуху. Вечеромъ они съ пастухомъ сидѣли долго, пили водку и закусывали и урядникъ отъ него узналъ, что гдѣ-то поблизости Есауловъ съ Охинченко „ѣздили на ярмарку и купили 4 лошадей“, совершенно схожіе по примѣтамъ съ пропавшими у помѣщика Верхнеднѣпровскаго уѣзда, и что Есауловъ поѣхалъ вчера въ г. Крыловъ на ярмарку продавать ту четверку вмѣстѣ съ другими лошадьми. Вообще онъ узналъ, что къ владѣльцу часто приводятъ лошадей для продажи крестьяне, и что 7 человекъ служащихъ въ экономіи почти

никакими другими дѣлами не занимаются, кромѣ того, что ѣздить и торгуютъ лошадьми. Урядникъ, переночевавъ у пастуха, съ разсвѣтомъ ушелъ въ Кривой-Рогъ и послалъ мнѣ телеграмму, чтобы я немедленно пріѣхалъ самъ: „важное дѣло“. Зная, что толковый урядникъ даромъ невызовешь, я немедленно поѣхалъ, узналъ все отъ урядника, Рогальскаго, снабдилъ его бумагой и деньгами и отправилъ въ Крыловъ. Самъ же, вызвавъ трехъ ближайшихъ своихъ урядниковъ, съ мѣстнымъ становымъ приставомъ, урядникомъ и пятью сотскими отправился въ экономію Петруши, гдѣ нашелъ въ конюшнѣ, устроенной въ подземельѣ 18 лошадей, въ томъ числѣ 6 лошадей, приведенныхъ наканунѣ ночью его людьми. Служащихъ было 6 человекъ. Я всѣхъ ихъ арестовалъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ и, размѣстивши на подводахъ, привезъ въ Кривой-Рогъ, куда былъ доставленъ и пастухъ Петруши. Всѣмъ арестованнымъ лошадямъ была сдѣлана опись съ обозначеніемъ примѣтъ и роздана въ нѣсколькихъ копіяхъ крестьянамъ Кривого-Рога. Петруша и его служащіе были допрошены, но никто изъ нихъ не сознавался въ кражѣ лошадей и въ томъ, что третьяго дня изъ экономіи были посланы лошади въ Крыловъ. Тогда я Петрушу взялъ съ собой въ Верхнеднѣпровскъ, а остальныхъ разослалъ по одиночкѣ подъ арестъ въ свой уѣздъ, въ станovou квартиру въ с. Софіевкѣ. Криво-

рожскаго пристава я просилъ немедленно послать въ имѣніе Петруши урядника и 3—4 сотскихъ, чтобы они тамъ пожили и пріѣзжающихъ въ экономію съ лошадьми крестьянъ арестовывали, и присылали въ с. Софіевку. Урядникъ Рогальскій, прибывъ въ г. Крыловъ, нашелъ тамъ и захватилъ Есаулова со всѣми лошадьми; при немъ было три крестьянина. Тамошнею мѣстною полиціей означенныя лица были арестованы и препровождены ко мнѣ въ Верхнедніпровскъ а лошади отданы тамъ на сбереженіе. Урядникъ возвратился ко мнѣ въ городъ. На допросъ въ с. Софіевкѣ два крестьянина, арестованные въ экономіи Петруши, сознались и указали много мѣстъ, гдѣ украдены лошади. Дано было знать хозяевамъ и въ томъ числѣ и помѣщику, и всѣ они явились и получили своихъ лошадей. Названный помѣщикъ и два крестьянина за своими лошадьми ѣздили въ Кривой-Рогъ и тамъ ихъ получили.

Въ теченіи 10 дней въ экономіи Петруши Криворожскимъ урядникомъ было арестовано еще 3 человека и 5 лошадей. По окончаніи всѣхъ допросовъ и раздачѣ лошадей, дѣло было передано судебному слѣдователю и донесено Губернатору и прокурору. Уже по слѣдствію было привлечено къ означенной шайкѣ еще много лицъ, какъ изъ нашего уѣзда, такъ и изъ уѣздовъ Херсонской губерніи, такъ что суду передано было 39 лицъ. Изъ нихъ 23 Окружнымъ

судомъ были признаны виновными и сосланы въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ; въ томъ числѣ Есауловъ, Петруша, Охинченко, какъ главные дѣйствующія лица въ шайкѣ. Съ Петрушей поѣхала и жена его съ семействомъ. Урядника Рогальскаго за это дѣло я представилъ къ наградѣ и онъ получилъ золотую медаль и, въ возвратъ испорченной лошади, 85 руб. на покупку новой. Нужно отдать ему справедливость: это былъ человѣкъ, способный къ службѣ сыщика и съ усердіемъ исполнялъ свои обязанности. Впослѣдствіи онъ перешелъ отъ меня на службу въ Александрійскій уѣздъ.

Открытіе вышеупомянутой шайки конокрадовъ дало самые благотворные результаты. Хотя и случались кражи лошадей, но далеко не въ томъ количествѣ какъ прежде. Потомъ, года черезъ 3, кража лошадей усилилась и нужно было полагать, что несчастный Крыловъ и его уѣздъ кишмя кишить переводчиками краденныхъ лошадей. Когда у помѣщика Яковлева на Желтой рѣчкѣ, была украдена пара хорошихъ лошадей вмѣстѣ съ фургонъ (уже на 4-й годъ послѣ открытія шайки), то я того же самаго Рогальскаго послалъ опять въ г. Крыловъ и его уѣздъ, но лошадей Яковлева не нашли, а нашли только сбрую: хомуты, возжи. Найдено было также 9 лошадей одновременно украденныхъ у разныхъ лицъ въ моемъ уѣздѣ. Дано было знать хозяевамъ и, дѣй-

ствительно, лошади оказались принадлежащими имъ. Всѣ лица, у кого были найдены лошади, были препровождены ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ показалъ, что пару лошадей найденныхъ у него, ему привелъ крестьянинъ съ хутора, находящагося на границѣ съ моимъ уѣздомъ въ Александрійскомъ уѣздѣ, на р. Зеленой. Какъ разъ въ это время я получилъ отъ управляющаго экономіей князя Кочубя извѣстіе, что изъ табуна украдено лучшихъ 4 лошади. Тогда я имѣя уже указаніе на хутора крестьянъ, поселившихся по р. Зеленой въ Александрійскомъ уѣздѣ, отправился въ экономію и сообщилъ управляющему свое мнѣніе. Мы рѣшили послать урядника въ Крыловъ съ табунщикомъ а сами для того, чтобы знать иавѣрное о поведеніи хуторянъ, устроили слѣдующее. Мы взяли нѣсколько человѣкъ верховыхъ изъ экономіи и отправились въ хутора. Одного изъ болѣе расторопныхъ посадили на хорошую лошадь и приказали ему ѣхать съ нами. По пріѣздѣ въ хутора, мы приказали этому верховому подъѣхать къ избѣ одного изъ хуторянъ и сказать, что „привелъ лошадей“, сами же засѣли въ неособенно близкомъ разстояніи съ верховыми. Когда верховой началъ стучаться въ избу, къ нему вышелъ крестьянинъ и спросилъ: „кто ты“? Тотъ назвался именемъ одного изъ конокрадовъ въ м. Анновки. Крестьянинъ сказалъ: „хорошо, я вышлю человѣка,—возьметъ“. Ночь была темная, не

было видно ни зги. Дѣйствительно, сейчасъ вышелъ человѣкъ, взялъ отъ верхового лошадь и сію минуту поскакалъ по дорогѣ на Кривой-Рогъ. Когда намъ верховой передалъ объ этомъ, мы послали по тому же направленію 3-хъ верховыхъ, а затѣмъ опять дали первому верховому лошадь и велѣли ѣхать къ другому хутору, гдѣ также немедленно была принята лошадь, поставлена въ конюшню и заплачено за нее 10 рублей. Узнавъ объ этомъ отъ верхового, мы ту же минуту нагрянули туда, арестовали имѣющихся до 10 лошадей и 3 четовѣкъ семьи, отца и 2-хъ сыновей, изъ нихъ—одного женатаго, и отправили ихъ въ м. Анновку съ урядникомъ и 4-мя верховыми. Потомъ мы вернулись къ прежнему крестьянину, который угналъ нашу лошадь, сдѣлали и тамъ обыскъ и тоже нашли 8 лошадей. Этихъ лошадей мы тоже арестовали вмѣстѣ съ хозяиномъ и его сыномъ.

Всѣхъ ихъ съ лошадьми препроводили въ Анновку. Ускакавшаго же на нашей лошади крестьянина привели только на другой день, нагнали его на 18 верстѣ отъ хуторовъ.

Вотъ этотъ-то работникъ крестьянина, оказавшагося Степаномъ Кузенкомъ, во всемъ сознался и объявилъ, что Анновскій четверикъ онъ самъ вмѣстѣ съ сыномъ Кузенка спроводилъ въ Елисаветградъ и тамъ продалъ. Посланъ былъ въ Елисаветградъ урядникъ съ человѣкомъ изъ экономіи и лошадей нашли

у барышника, который и былъ арестованъ. Рогальскій изъ Крылова возвратился безъ успѣха. Къ 7-ми лошадямъ нашлись хозяева, остальные были отданы на сбереженіе. Дознаніе по этому дѣлу передано было слѣдователю и тотъ уже слѣдствіемъ установилъ шайку, состоявшую изъ дѣйствительныхъ воровъ и переводчиковъ краденнаго. По суду изъ этой шайки 19 человѣкъ были сосланы въ Сибирь на поселеніе. Подобными способами было открыто еще 2 шайки конокрадовъ, но уже меньшихъ размѣровъ, и изъ нихъ были также сосланы въ Сибирь 30 человѣкъ.

Вообще, кража лошадей въ послѣднее десятилѣтіе страшно распространилась во всей губерніи, особенно въ Верхнедніпровскомъ уѣздѣ, какъ пограничномъ. Въ каждомъ селеніи имѣется по нѣскольку десятковъ душъ завязанныхъ конокрадовъ, цыганъ и крестьянъ, которые имѣютъ еще укрывателей и переводчиковъ краденнаго, такъ что при настоящемъ составѣ полиціи и неразвитости сельскихъ десятискихъ борьба съ конокрадствомъ дѣлается непосильной. Необходимо радикальное измѣненіе законоположеній относительно пріобрѣтенія лошадей, увеличенія состава полицейскихъ урядниковъ и устройство телеграфовъ для сообщенія исправника съ приставами.

Конокрадство и суслики не были единственнымъ горемъ для Екатеринославской губерніи. Къ несчастію изъ земли Войска Донскаго въ 1887 году была за-

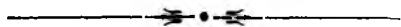
несена въ Славяносербскій и Бахмутскій уѣзды чума рогатаго скота, а оттуда распространилась по всей губерніи; даже Новомосковскій и Екатеринославскій уѣзды были подвержены ей. Предводитель дворянства и земская управа обратились ко мнѣ и просили принять возможные мѣры къ недопущенію чумы въ нашъ уѣздъ, при чемъ земская управа ассигновала деньги, необходимыя для расходовъ по этому предмету. Я былъ практически знакомъ съ борьбою противъ чумы еще по Ростовскому уѣзду, гдѣ она почти не выводилась. Поэтому я указалъ, что единственнымъ къ этому средствомъ служить карантинъ, но въ полномъ смыслѣ слова, такъ что зараженная мѣстность, дѣйствительно, была вполне изолирована, чтобы были отведены дороги для обхода или объѣзда этихъ мѣстностей, а также, чтобы были устроены пограничные посты для пропуска гуртовъ и воловыхъ подводъ изъ зараженныхъ пограничныхъ уѣздовъ. Карантиннымъ постовымъ были розданы отъ меня книжки для записки времени и лицъ, проѣзжавшихъ посты. Провѣрку ихъ, какъ можно чаще, поручено было становымъ приставамъ и урядникамъ, а отъ земской управы ветеринарнымъ врачамъ, и дѣло шло прекрасно. Но при этомъ случалось много курьезовъ. Вотъ, напр., нѣкоторые купцы, имѣвшіе помѣстья въ Екатеринославскомъ уѣздѣ покупались при помощи подкуповъ прогнать гурты скота

изъ экономіи этого уѣзда, но такъ какъ это имъ не удавалось, то они пытались прогнать скотъ не дорогами, а обходами. Но и это имъ не удалось: ихъ постоянно возвращали и привлекали къ отвѣтственности за невыполненіе законныхъ требованій. Были случаи, когда мужички связывали быковъ и коровъ, клали на возы и пробовали провезти черезъ границу, прикрывая такіе возы кожейи всегда выбирая для этого вечеръ. Но ихъ попытки не достигали цѣли: бдительность и находчивость стражи не допускали перехода и переѣзда воловъ и воловьихъ подводъ, и все было благополучно.

Между тѣмъ чума все болѣе и болѣе распространялась, охватывая Харьковскую и Полтавскую губерніи. Прошло болѣе года, чума не прекращалась, но свирѣпствовала ужасно; тысячи головъ скота пропадали въ пограничныхъ уѣздахъ. Объѣзды карантинныхъ постовъ продолжались; я самъ нѣсколько разъ объѣзжалъ уѣздъ одновременно и всегда все находилъ въ полной исправности, все было благополучно. Вдругъ я узнаю, что въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, въ имѣніи графа Толстого, тоже обнаружилась чума. Это имѣніе пограничное, многіе мужички нашего уѣзда отдавали туда свой скотъ на зимовку и теперь, узнавъ, что тамъ скотъ пропадаетъ, разобрали его по своимъ дворамъ. Чтобы удостовѣриться въ справедливости слуховъ и

навѣрное узнать, какихъ крестьянъ былъ тамъ скотъ, я немедленно отправился въ имѣніе графа Толстого. Тамъ я узналъ, что дѣйствительно, болѣзнь существуетъ и что нѣсколько мужичковъ забрали свой скотъ. Такихъ крестьянъ, забравшихъ скотъ, оказалось 3 человѣка, а скота у нихъ 11 штукъ; они были изъ деревень Верхнеднѣпровскаго уѣзда: Николаетки одинъ съ 5 шт. скота, Троицкаго одинъ съ 3 шт. и одинъ изъ с. Куцеволовки съ 3-мя штуками. Я тотчасъ выѣхалъ въ эти деревни, розыскалъ крестьянъ и ихъ скотъ и приказалъ старостѣ загнать весь скотъ въ отдѣльное помѣщеніе, двери запереть, чтобы онъ не могъ выходить, а кормъ и воду носить черезъ ограду, или черезъ крышу. Такимъ образомъ пригнанный отъ графа Толстого скотъ былъ совершенно изолированъ. Вызваны были ветеринарный врачъ и фельдшеръ, которые неупустительно наблюдали за подозрительнымъ скотомъ. Въ теченіи трехъ недѣль въ одномъ только мѣстѣ пропали 3 штуки; остальной скотъ уцѣлѣлъ. По истеченіи трехъ недѣль скотъ, оставшійся въ живыхъ, былъ выпущенъ, а помѣщеніе дезинфекцировано. Этимъ и окончилась вся тревога. Разумѣется немедленно былъ поставленъ карантинъ и со стороны Александрійскаго уѣзда. Такими мѣрами былъ спасенъ мой уѣздъ отъ сотысячныхъ убытковъ. Надо сказать по справедливости, что люди, нанятые на посты, были отличныхъ ка-

чествъ, честные, и выполнили свою задачу превосходно. Карантинъ въ уѣздѣ продолжался болѣе 9-ти мѣсяцевъ, пока въ сосѣднихъ уѣздахъ чума не прекратилась. Послѣ этого и земство и правительство стали усиленно заниматься вопросомъ о чумѣ и борьбѣ съ нею; были изданы постановленія о страхованіи рогатаго скота на случай чумы, а заболѣвшихъ животныхъ приказано убивать. Но не прошло 4—5 лѣтъ какъ опять вся наша губернія была охвачена чумой; за исключеніемъ одного только Верхнеднѣпровскаго уѣзда, гдѣ я принялъ своевременно тѣ же самыя мѣры, что и прежде, и болѣзнь на этотъ разъ тоже не проникла въ уѣздъ.

Отдаваясь такимъ неусыпнымъ трудамъ, постоянно наблюдая за исправностью своихъ подчиненныхъ и стараясь направить ихъ дѣятельность ко благу населенія, я вотъ уже 17 лѣтъ состою исправникомъ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, считающимся однимъ изъ лучшихъ въ административномъ отношеніи, и вполне заслужилъ любовь и довѣріе всѣхъ слоевъ населенія. Когда мнѣ случается выѣхать по дѣламъ службы въ уѣздъ и заѣхать къ кому либо изъ интеллигентныхъ лицъ, я встрѣчаю радушный пріемъ и не знаю, какъ уѣхать,—до того упрашиваютъ меня еще остаться. На крестьянскихъ сходахъ, гдѣ я присутствую, всегда царитъ молчаніе когда

мнѣ случится говорить или говорить кто-либо изъ крестьянъ. А между тѣмъ я никогда не обращался съ крестьянами сурово и за все время моеѣ службы за взысканія ни одна телка не была продана ни помѣщицья, ни крестьянская. Всякій кто получалъ отъ меня напоминанія о текущихъ платежахъ и недоимкахъ, считалъ своею обязанностью, избавить меня отъ отвѣтственности и заплатить все сполна. За взысканіе поземельнаго налога и выкупныхъ платежей я почти ежегодно получалъ денежныя награды; а за земскія деньги и вообще внимательное отношеніе ко всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства и земскимъ распоряженіямъ, по постановленію земскаго собранія, получаю благодарности.

Такія мои пріятныя отношенія къ обществу и служебная дѣятельность омрачались иногда разными происками и интригами землевладѣльца Старохацкаго, о которомъ я говорилъ выше, но его кляузы и интриги не повредили мнѣ ни во мнѣніи общества ни въ служебномъ отношеніи. И я повторяю здѣсь поговорку: „За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“. Это я стараюсь внушить какъ своимъ подчиненнымъ, такъ и своимъ дѣтямъ. Богъ знаетъ, сколько времени еще мнѣ придется служить. Но я полагаю, что любовь къ дѣлу и честное отношеніе къ обществу дадутъ мнѣ возможность прослужить еще нѣсколько лѣтъ до окончательнаго воспи-

танія моихъ дѣтей. Надѣюсь, что ни одинъ начальникъ губерніи, какъ прежде, такъ въ будущемъ не будетъ раскаиваться, давши мнѣ возможность продолжать службу.

Случались со мною и курьезы по службѣ. Такъ, напримѣръ, однажды глубокой осенью выѣхалъ я по дѣламъ службы въ уѣздъ и такъ какъ было по пути, то ночевать я заѣхалъ къ предводителю дворянства. Было уже совсѣмъ темно на дворѣ и начиналась мятель. Благословляя Бога, что довелъ меня до ночлега, я весь занесенный снѣгомъ, вошелъ въ переднюю. Тамъ меня встрѣтила горничная. На вопросъ мой: „кто у васъ“?—она отвѣтила: „исправникъ“. Вижу: на вѣшалкѣ полицейская шинель. Зная, что братъ Г-жи Бродской служить въ нашей губерніи исправникомъ, я предположилъ, что это онъ пріѣхалъ навѣстить сестру, и съ этой мыслью пошелъ дальше. Нужно сказать, что брата Г-жи Бродской я видѣлъ только одинъ разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а также видѣлъ нашего вновь назначеннаго вице-губернатора только когда представлялся ему въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, такъ что усвоить себѣ черты его лица рѣшительно не могъ. Пройдя далѣе, я нашелъ хозяевъ въ столовой вмѣстѣ съ гостями: пили чай. Не успѣлъ я показаться въ дверяхъ, какъ вижу: всталъ изъ-за стола воображаемый исправникъ,

идеть ко мнѣ на встрѣчу и протягиваетъ руку, желая поздороваться со мной. Но я, видя хозяйку дома, сидящую за столомъ, говорю ему: „Ну извините съ вами я еще успѣю поздороваться, а прежде нужно поздороваться съ хозяйкой“. Такъ, не подавши ему руки, я подошелъ къ хозяйкѣ, а затѣмъ—уже къ нему.

Замѣтивъ, что онъ въ штатскомъ платьѣ, я ему сказалъ: „Что это Вы въ такомъ костюмѣ“? на это онъ отвѣтилъ: „Извините, пожалуйста; я только что пріѣхалъ съ охоты и не успѣлъ переодѣться“. Потомъ я поздоровался со всѣми, сидѣвшими въ столовой, и съ мѣстнымъ становымъ приставомъ, находившимся тамъ, и сѣлъ за столъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Подали чай. Пью я свой чай; разговоръ идетъ объ охотѣ. Смотрю на воображаемаго исправника и припоминаю, что, кажется, онъ не похожъ, а это чуть ли не вице-губернаторъ, который, какъ я мимоходомъ слышалъ нѣсколько времени тому назадъ отъ предводителя дворянства, собирался къ нему на охоту. Сажу, пью чай и недоумѣваю: неужели это вице-губернаторъ? Но дальше недоумѣніе разъяснилось, когда предводитель дворянства, обращаясь къ воображаемому мной брату хозяйки, назвалъ его „Ваше Превосходительство“. Я переконфузился страшно; какъ можно не знать своего вице-губернатора. Но исправить свою ошибку сейчасъ же невозможно было. Я си-

дѣлать за столомъ въ страшномъ волненіи и, наконецъ, обрадовался, когда встали и вице-губернаторъ перешелъ съ предводителемъ въ гостинную. Тогда я обратился къ хозяйкѣ разрѣшить мое недоразумѣніе. Передали все это вице-губернатору, много смѣялись и все окончилось благополучно. Вице-губернаторъ сѣлъ играть по маленькой въ винтъ, я же отъ игры отказался и провелъ вечеръ съ братомъ предводителя, приставомъ и сыномъ вице-губернатора, учившимся въ Александровскомъ лицѣѣ. За ужиномъ я узналъ, что вице-губернаторъ на другой день рано утромъ, не позже 6 часовъ непременно уѣзжаетъ на поѣздъ. Чтобы загладить свою пеловкость, я предложилъ предводителю проводить вице-губернатора до вокзала (18 верстъ) и попросилъ его дать мнѣ для этого пару своихъ лошадей, такъ какъ почтовыхъ я отпустилъ. Но предводитель началъ меня уговаривать не дѣлать этого, такъ какъ вице-губернаторъ не любилъ никакихъ овацій, и провожаніе мое стѣснить его. Мнѣ обѣщали завтра сказать ему, чтобы онъ запретилъ мнѣ ѣхать. Считая неудобнымъ говорить объ этомъ съ начальствомъ, я просилъ хозяевъ не возбуждать этого вопроса, а мнѣ все таки, на всякій случай, приготовить лошадей. На другой день всѣ встали рано, много суетились и, не смотря на мою просьбу, хозяинъ забылъ приказать запретъ мнѣ лошадей. А между тѣмъ вице-губернатору уже доло-

жили, что все готово. При прощаніи, я обратился къ вице-губернатору съ вопросомъ: „Прикажете проводить до вокзала? Онъ изъявилъ свое согласіе. Я одѣлся вышелъ на дворъ. но, о ужасъ, для меня лошади не были приготовлены, а для вице-губернатора стояли сани, запряженные тройкой превосходныхъ лошадей. Что тутъ дѣлать? Я исполнилъ, что здѣсь есть лошади становаго и въ ту же минуту приказалъ ихъ запрячь, а кучеру, который долженъ былъ везти вице-губернатора, сказалъ: „Послушай, голубчикъ. Я долженъ проводить вице-губернатора и быть на вокзалѣ раньше его; такъ вывези. Вотъ тебѣ 3 рубля. Смотри: хоть минутъ 20 вези его не по прямой дорогѣ, какъ увидишь, что я проѣхалъ, вези прямо“. Дулъ въ это утро сильный вѣтеръ и была мятель. Вышелъ вице-губернаторъ, попрощался, сѣлъ и поѣхалъ. Мои лошади еще не были поданы. Предводитель приказалъ запрягать для меня лошадей. Но въ экономіяхъ кучера, если имъ не прикажутъ съ вечера, будутъ 2 часа запрягать; поэтому я поблагодарилъ его и черезъ нѣсколько минутъ ѣхалъ на почтовыхъ. Но это были клячи, а я все таки надѣялся пріѣхать на вокзалъ раньше. Я приказалъ не жалѣть лошадей, ѣхать возможно быстрѣе, и, дѣйствительно, пріѣхалъ на вокзалъ минутъ на 10 ранѣе вице-губернатора. На вокзалѣ я встрѣтилъ его, распорядился вещами и проводилъ сына его подъ руку на вокзалъ, такъ какъ

онъ былъ въ валенкахъ, скользилъ и два раза упалъ. Вице-губернаторъ былъ пораженъ, что я проводивъ его у Бродскихъ и затѣмъ, хотя казалось, не обогналъ его, но пріѣхалъ раньше. Онъ былъ очень доволенъ, заказалъ завтракъ и угощалъ меня собственными сигарами. И такъ находчивость спасла меня отъ непріятностей. Въ заключеніе расскажу о своемъ пребываніи въ Петербургѣ. Въ прошломъ 1896 году, въ Іюнѣ, старшій сынъ мой отъ второго брака окончилъ Екатеринославское Реальное Училище первымъ ученикомъ. Ему было всего 17 лѣтъ; совсѣмъ еще мальчикъ. Ему хотѣлось поступить въ Институтъ Путей Сообщенія; какъ мальчику способному, перечить ему нельзя было. Поэтому на семейномъ совѣтѣ было рѣшено предоставить ему эту дорогу. Но съ другой стороны, какъ такого мальчика—пустить одного въ Петербургъ? Мы съ женою не рѣшились сдѣлать это. И вотъ я взялся сопровождать сына и заодно посмотреть столицу. Такимъ образомъ въ началѣ Августа мы съ сыномъ предприняли наше путешествіе въ столицу; онъ—мальчикъ—я въ преклонномъ возрастѣ, оба—въ первый разъ. Долженъ сказать, что отъ столицы, по красотѣ и изяществу архитектуры, я больше ожидалъ, но тѣмъ не менѣе многимъ и многимъ пришлось восхищаться и поражаться. Разумѣется въ такомъ большомъ городѣ безъ руководителя приходилось плохо: на каждомъ шагѣ встрѣча

лись какіе нибудь затрудненія. Поэтому я избралъ въ совѣтники швейцара меблированныхъ комнатъ (противъ Екатерининскаго сквера на Невскомъ), гдѣ я квартировалъ. Швейцаръ зналъ Петербургъ великолѣпно, давалъ мнѣ совѣты и избавлялъ отъ лишней траты денегъ. Но иногда я перепутывалъ его указанія и изъ этого выходили курьезы. Такъ напри-мѣръ, случилось, когда мнѣ нужно было побывать на Большой Морской, въ д. № 51. Онъ мнѣ прекрасно объяснилъ, какъ туда попасть, такъ что я сразу нашелъ Большую Морскую. Сойдя съ конки и предполагая, что д. № 51 будетъ сейчасъ же, я не взялъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ отыскивать. Иду себѣ, иду, считаю нумера, все думаю: „вотъ—вотъ, сейчасъ“, и такъ прошелъ болѣе полуверсты, а дома № 51 все нѣтъ. На мнѣ были мундиръ и плащъ, страшно жарко, но, полагая, что сейчасъ будетъ домъ № 51, я не беру извозчика и продолжаю идти пѣшкомъ. Наконецъ, противъ № 48 и 50, думаю: „слава тебѣ Господи, сейчасъ дойду“. Но далѣе, о ужасъ, читаю уже № 52. Прозѣвалъ. Возвращаюсь назадъ, смотрю № 50. Тѣфу, чортъ возьми. Что за колдовство среди бѣла дня. Гдѣ же № 51. Я опять шагаю впередъ, смотрю № 52. Ну значить, д. № 51 гдѣ нибудь во дворѣ. Вхожу во дворъ № 50. Къ несчастью дворника не оказалось, а во дворѣ не выставлено никакихъ нумеровъ. Что тутъ дѣлать? Провалился этотъ домъ,

что-ли? Спросилъ-бы у когонибудь, да не хотѣлось карабкаться по лѣстницамъ. И—я рѣшилъ взять таки извозчика, чтобы добраться до дома № 51. Вышелъ я со двора на улицу—стоитъ извозчикъ. Такъ какъ меня учили—съ извозчиками въ Петербургѣ, прежде чѣмъ сѣсть, торговаться, то я у него спросилъ „что возьмешь: Большая Морская, д. № 51“? Онъ запросилъ 50 коп. я предложилъ ему 30 коп. „Хорошо“, говоритъ: „Садитесь“. И вотъ, представьте себѣ мое удивленіе: онъ переѣхалъ улицу и подвезъ меня къ д. № 51. Это было противъ того мѣста, гдѣ я сѣлъ. Ну, что-же дѣлать? заплатилъ я ему деньги, но не утерпѣлъ—выругался. Укажи ты мнѣ прямо домъ, чтобы не садиться на твои поганныя дрожки, то, право, я тебѣ заплатилъ бы дорожжю. Ну, все таки я, наконецъ, нашелъ нужный домъ и тѣмъ былъ доволенъ. А весь секретъ былъ въ томъ, что въ Петербургѣ на одной сторонѣ улицъ нумера четные, а на другой не-четные. Кажется, и большой мудрости не надо, а не пришло же въ голову сразу, и я узналъ это лишь, когда уплатилъ 30 коп. Еще, полагаю, дешево отдѣлался.

Другой разъ мнѣ нужно было найти Военно-Медицинскую Академію. Вотъ швейцаръ и поучаетъ меня: „Идите къ Анничкову мосту; это по Невскому проспекту отъ моей квартиры 1 кварталъ; перейдите мостъ—и съ лѣвой стороны Вы увидите маленькую

параходную пристань. Сойдите туда и если параходикъ будетъ идти къ клиникѣ, то садитесь и дождете туда, куда Вамъ нужно“. Иду я, перехожу мостъ; вижу: параходикъ. И скорѣе — къ пристани, слышу: мальчикъ выкрикиваетъ: „Калинкинъ“. Мнѣ показалось что, „Клиника“, я и сѣлъ на этотъ параходъ. Но представьте себѣ мое удивленіе: ѣду, чуть не цѣлый часъ, а клиники все нѣтъ; между тѣмъ швейцаръ говорилъ, что тамъ я могу быть черезъ 15—20 минутъ. Погляжу кругомъ: все люди серьезные, либо читаютъ газету или книгу, либо серьезно разговариваютъ. Совѣстно мѣшать. Наконецъ, мнѣ стало ясно, что я ѣду не туда, и я рѣшился спросить офицера, сидѣвшаго возлѣ меня и читавшаго газету, скоро-ли будетъ Военно-Медицинская Академія. Онъ разсмѣялся и говоритъ: „Да Вы ѣдете въ совершенно противоположную сторону. Вотъ уже скоро будетъ Калинкинская больница и городъ оканчивается“. Вотъ что значитъ перепутать слова. Въ концѣ концовъ я долженъ былъ опять ѣхать обратно и вмѣсто того, чтобы быть на мѣстѣ въ 11 ч. утра, я прибылъ туда только къ часу.

Не могу не добавить къ этому еще случая, когда уже я надулъ Петербургскаго извозчика. Мнѣ нужно было отъ конца Садовой проѣхать на Англійскую набережную въ д. № 58. Беру извозчика за 30 коп. и онъ меня привозитъ на Англійскій прос-

пектъ д. № 58 совсѣмъ не туда. Да еще домъ оказался какого то сомнительнаго свойства. Оттуда онъ повезъ меня на Англійскую набережную около Николаевского моста, поворотивъ на право вмѣсто того, чтобы повернуть на лѣво и доѣхалъ до лѣтняго сада. Вижу, что онъ не туда заѣхалъ, потому что дальше нѣтъ уже хорошихъ аристократическихъ домовъ. Называю ему даже фамилію. Оказывается,—знаетъ и говоритъ; „Давно бы Вы такъ сказали“. Послѣ этого онъ повезъ меня къ Сенату, а оттуда, уже по распросамъ въ домъ однофамильца того лица, къ которому я ѣхалъ. Я попалъ, куда было нужно, но прежде проѣздивъ добрыхъ 2 часа и, разумѣется, опоздалъ къ приему, и заплатилъ извозчику, сжалившись надъ нимъ, 60 коп. Много еще было смѣшныхъ случаевъ въ Петербургѣ, но такъ какъ мои записки вышли и такъ довольно пространны, то я ихъ этимъ и заканчиваю, сообщая читателямъ, что и въ настоящее время я служу въ томъ же Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ исправникомъ.

Селозновъ.

